

ПИОНЕР

АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1958 год

4

"ТАЙНЫЙ СИГНАЛ БАРАБАНЩИКА"

как я был *Дневник*

Повесть Анатолия АЛЕКСИНА

Рисунки А. Брея.

10 ноября.

Вчера вечером, когда я слонялся без дела по коридору, мама сказала:

— Займись-ка лучше дневником. Это — очень хорошее дело! Каждый день записывай в тетрадку все самое важное. А когда-нибудь, через много-много лет, тебе будет очень интересно прочитать ее своим детям или даже внукам и вспомнить, как ты был маленьким.

— Не маленьким, а среднего возраста! — поправил я маму. — Так ведь и в книгах пишут: «Для среднего школьного возраста».

— Ну, пусть так, — согласилась мама. — Только пиши о себе всю правду, ничего не сочиняй. А то тебе же самому будет неинтересно читать свой дневник, если в нем будет неправда.

— Через много-много лет я уж забуду, правда это была или неправда...

— Ничего ты не забудешь: детство никогда не забывается.

Ну, маме это, конечно, виднее!

Доставая из ящика чистую тетрадку, я думал: «А может быть, я стану не просто взрослым, а каким-нибудь знаменитым человеком. Все люди сразу захотят узнать разные подробности о моем детстве. И вот эта самая тетрадка в клеточку им поможет. Тогда уж она будет храниться не в моем сломанном ящике письменного стола, который можно открывать только щипцами да плоскогубцами (голыми руками его не возьмешь!), а где-нибудь в музее, под стеклом».

Для начала я изрисовал всю обложку и края первой страницы человеческими головками, фигурками животных, замысловатыми росписями. Первую фразу я начинал три раза и три раза нарочно, зачеркивал: я знал, что так именно поступают со своими рукописями всякие знаменитые писатели и поэты.

Но что делать дальше, я не знал. Тогда я пошел в библиотеку и набрал много толстых и тонких книг. Это были дневники известных людей: путешественников, ученых, писателей... Они все очень подробно описывали в дневниках свою жизнь и жизнь своих ближайших родственников. Прямо изо дня в день: и кто что сделал, и кто что подумал, и кто что кому сказал. Они и природу описывали, и все свои мысли, и настроения. И я так буду делать!

Потом я почитал Димин дневник, который ле-

жит в нашем книжном шкафу. Ну, Дима пишет главным образом о книгах, которые он прочитал, и о международных событиях, и о своей общественной работе. Мне кажется, это не очень интересно записывать. О международных делах можно будет потом, через много-много лет, узнать из газет или журналов. А в дневнике уж лучше писать о своей собственной жизни.

Я попросил всех наших домашних — и маму, и папу, и брата Диму — помогать мне, проверять иногда мой дневник. И сразу приступил к делу: сделал в тетрадке эту самую первую запись.

11 ноября.

Сегодня, ровно в 10 часов 20 минут утра, мне в голову пришла гениальная идея: посадить Лельку Мухиной в парту живого ужа! То есть я не сразу дошел до этого. Сперва я хотел сунуть ей живого ужа.

...Это случилось опять на уроке немецкого языка, у той же самой Анны Рудольфовны. Лелька зачем-то полезла в парту. А там лежала мокрая тряпка, которой доску вытирают. Лелька со страху так заорала, что из соседнего класса прибежали две девчонки: не случился ли с кем-нибудь приступ аппендицита?

Потом Анна Рудольфовна целые пол-урока объясняла нам, что трусость — это очень плохое человеческое качество. И что Бетховен в своем музыкальном произведении «Эгмонт» как раз воспевал смелость, а трусость никогда и никто на свете не воспевал. Все это Анна Рудольфовна объясняла нам на немецком языке, чтобы «приучить нас к разговорной речи». Но так как мы к разговорной речи еще не приучились, она почти каждую фразу со вздохом переводила на русский язык. Так прошло пол-урока — и меня не спросили!

Тогда я подумал: как же завизжит Лелька, если сунуть ей в парту не какую-то мокрую тряпку, а самого настоящего, живого ужа! Надо, решил я, сперва вынуть чернилницу...

Сидит-сидит Лелька на уроке — и вдруг через кругленькое отверстие в парте появляется змея. То есть это Лелька будет так думать, что змея, а на самом деле это будет обыкновенный уж из нашего с Витиком-Нытиком живого уголка. Тут уж Анне Рудольфоне придется читать лекцию о смелости не меньше урока. А может, и переменку прихватит!

Но потом я подумал: если сунуть ужа в начале большой перемены, когда все убегают из класса, он за двадцать минут может преспокойно уползти и не появиться в круглом отверстии для чернильницы. Нет, лучше посадить в парту живого ежика: он заснет себе в темноте, а иголки его и во сне колются.

Решено: не буду сегодня учить немецкого! Ведь завтра вместо урока будет настоящий спектакль!

12 ноября.

Сегодня, в самом начале большой перемены, я сделал все, как было задумано. Положил Лельке в парту своего ежа, которому мой брат Дима дал очень странное имя — Нигилист. Я поинтересовался, кто это такие нигилисты и за что Дима так обозвал ежика, которого я сам нашел в лесу прошлым летом. «За то, что он никого не признает и всех подкалывает!» — ответил Дима. Мама называет ежика «Севкой номер два», потому что я, по ее мнению, тоже иногда бываю колючим. А мы с Витиком-Нытиком зовем его просто Борькой. В общем, у ежа целых три имени, и он ни на одно из них не откликается.

Значит, положил я своего колючего Борьку в парту... И не просто в парту! Я засунул его прямо в мухинский портфель, оказавшийся довольно-таки вместительным. И запер на блестящий, серебристый замочек. Ежик не уж, он не выползет из портфеля! Счастливый, как никогда, побежал я на большую перемену.

Целых двадцать минут я носился по этажам и даже спустился вниз, где занимались первоклассники. Я изучил всю их стенгазету, в которой были всего две маленькие заметочки, написанные огромными печатными буквами, и много разных картинок, нарисованных цветными карандашами: дома, похожие на сундуки, с широкими трубами и толстыми хвостами дыма; пароходы с такими же трубами и хвостами; паровозы — тоже с трубами и тоже с хвостами... Я уж давно заметил, что малыши очень любят рисовать трубы и дым. И почему бы это? Тут ракеты летают, атомные электростанции строятся, а у них дым столбом!

В общем, я старался сделать так, чтобы поскорей промчалась большая перемена: уж очень мне не терпелось узнать, что произойдет на уроке.

А случилось совсем неожиданное.

Я ничего не слышал и ничего не видел, кроме рук Лельки Мухиной. А они лежали немного на крышке парты, словно отдохнули

после перемены, потом поправили волосы, а потом... потом полезли в парту за учебником. Я затаил дыхание: что сейчас будет?! Вот Лелькины руки скрылись внутри. Вот сейчас... Сейчас Лелька вскочит и завопит на весь класс, на всю школу, на всю улицу... И все ребята тоже вскочат и побегут на помощь Лельке. А потом увидят нашего мирного Борьку и будут долго-долго хохотать. Вот сейчас, сейчас... Но ничего такого не произошло. Лелька преспокойно достала учебник, по-девчачьи аккуратненько завернутый в белую бумагу. Открыла нужную страницу и стала водить пальцем по строчкам.

— Что у вас такое, Котлов?

Я не верил своим глазам. Как же так? Ведь Борька лежал в портфеле поверх всех учебников и тетрадок. Она не могла, просто не могла не наткнуться на его колючки! И все-таки, словно желая еще больше удивить меня, Лелька снова полезла в портфель и достала оттуда тетрадь с аккуратной розовой ленточкой и такой же аккуратной розовой промокашкой.

Это было какое-то чудо! Чтобы я не так уж сильно удивлялся, Анна Рудольфовна сказала:

— Котлов, раскройте учебник и работайте вместе с нами!

Я сунул руку в свой портфель... И вот тут действительно раздался крик! Но вовсе не Лелькин, а мой собственный. Я вскочил на ноги и стал дуть на руки. И все ребята повернулись ко мне. А Анна Рудольфовна даже поднялась со своего стула:

— Что у вас такое, Котлов?

— Тут эти... ну, как их?.. Которые колотятся... Гвозди! — сказал я, посасывая два уколотых пальца. Лелька Мухина жалостливо покачала головой.

Чтобы ребята перестали нахонец вертеть головами, Анна Рудольфовна решила вызвать меня к доске: там уж меня все сразу увидят.

— Но ведь у меня... эти самые... пальцы... — промямлил я.

— Вы, надеюсь, будете отвечать не пальцами, — строго сказала Анна Рудольфовна. — Разве голова и язык у вас тоже повреждены?

Я поплелся к доске. Но это даже не очень огорчало меня. Одна мысль сидела в голове: «Каким образом Борька попал обратно ко мне в парту? Или он тоже, как и собака, верный друг человека и всегда находит своего хозяина?»

Да-а... Хорош друг! Все, все испортил. Прав был наш Дима, когда назвал его Нигилистом. Типичнейший нигилист!

13 ноября.

С Витькой невозможно стало ходить по улице, он то и дело вскрикивает: «Ой, спутник летит! Спутник летит!..» Вокруг нас сразу собираются прохожие. Витька тычет пальцем в небо, и все задирают головы вверх. Но всегда кто-нибудь догадывается раскрыть газету, где черным по белому написано, что в это самое время спутник должен пролетать над Порт-Саидом или над Аддис-Абебой...

— А мне показалось... — разводит руками Нытик. — Вон там, вон там! Видите?..

Я решил провести наблюдения за спутником серьезно и вполне научно. И хотя некоторые видели спутник, как говорится, невооруженным глазом, я все-таки решил вооружить наши с Витькой глаза. Но чем вооружить?

Мы перерыли все старые сундуки и чемоданы, пропахшие нафталином, но никаких, даже самых старых подозрительных труб и телескопов у наших родителей не оказалось. А между тем в «Последних известиях» по радио передали, что завтра, ровно в 6 часов 10 минут утра, второй спутник пролетит над Москвой. Что было делать? Я уж совсем приуныл.

Но вот вечером раздался телефонный звонок, и Витька, захлебываясь, торжествующим шепотом сообщил мне со своего нижнего этажа:

— Ура! Нашел старый бабушкин бинокль. Театральный... Левая трубка не работает... То есть она работает, но только в одну сторону.

— Как в одну? Омархатану туга и — и...

— Уменьшает!..

— Это нам совсем ни к чему.

— Зато другая и увеличивает тоже! Знаешь, как увеличивает!

— Ну, тащи его сюда!

Ровно через три минуты мы с Витькой уже заперлись в нашей ванной комнате и стали разглядывать бинокль его бабушки. Это был очень старинный бинокль. И красивый: сам весь белый, из камня какого-то (Витька сказал, что из перламутра), а ручка и ободки золотые. Я посмотрел в один глазок — и наша ванна показалась мне маленькой-маленькой, как крышка от белой мыльницы. А посмотрел в другую трубку — и ванна стала огромной, хоть втроем туда залезай! Посмотрел на рыжую кошку Мурку, прикрывшую на табуретке, — и она показалась мне настоящим рыжим тигром, усатым и страшным.

— Бабушка с этим биноклем в театр ходила!.. — как-то мечтательно произнес Нытик.

— Подумаешь, в театр! Всякую там ерунду смотрела!.. А мы вот увидим спутник. Понимаешь, искусственный спутник Земли! Твоя бабушка должна быть просто счастлива за свой бинокль, что ему на старости лет выпала такая честь! Понял?

Решено: завтра, в половине шестого утра, мы уходим из дому для научных наблюдений!

14 ноября.

Мне казалось, что я всю ночь не спал. Но это было, наверно, не совсем так, потому что мне снились сны. А раз они снились, значит, я все-таки немножко спал. Мне снились спутники и ракеты-носители, в которых восседали собаки и преспокойно лаяли на Луну. А Луна хитро улыбалась вверх, словно дразнила их: а ну, доставайте, доберитесь! И мы с Витькой стали добираться до нее. Мы совсем уже почти добрались, но нам помешал будильник.

Я протянул руку, чтобы остановить звонкий, дребезжащий голосок, но будильника на стуле не было. Вот удивительно: ведь вчера я поставил его именно сюда! А теперь он трезвонил откуда-то с книжного шкафа. Опять чудеса!!!

Зато рука моя наткнулась на что-то большое, твердое и продолговатое. Я быстро зажег настольную лампу, и Дима сразу заворочался и заворчал на своем диване:

— Эгоизм! Не может в темноте одеться!

Одеться в темноте я, конечно, мог. Но я никак бы не мог разглядеть предмета, лежавшего на стуле возле моей кровати. А это был настоящий полевой бинокль! Да, да, бинокль! Такой же точно, как те, с которыми ходят и в которые разглядывают поля сражений разные знаменитые полководцы на картинах и в кинофильмах. Честное слово, я подумал, что еще сплю. Я подбежал к дивану и тряхнул брата за плечо:

— Дима, я сплю, а?

— Завтра ночью ты будешь спать в коридоре! Совсем распустился!..

Нет, это было не во сне! Такую фразу мог произнести только мой старший братец Димочка и только наяву.

Но откуда же полевой бинокль? Откуда?! Я осторожно погладил его, прижал к груди, а потом взглянул сквозь его стекла на Диму. И брат сразу уехал на своем диване куда-то далеко-далеко, чуть ли не на край света. Я перевернул би-

нокль — и вдруг увидел прямо перед своим носом огромное, свирепое и малознакомое (потому что без очков) Димино лицо:

— Сейчас же потуши свет!

Одевался я в коридоре... Наша соседка-старушка уже ставила чайник на газовую плиту.

— И что ты так рано поднялся, Сева? Это нам, старикам, не спится. А тебе?..

— На спутник хочу поглядеть, тетя Паша.

— А зачем же вставать так рано? Поглядел бы днем: и светлее и видать лучше.

— Так он, тетя Паша, понимаете ли, в определенное время пролетает. Днем его не будет.

— Ну, погляди, погляди. Потом расскажешь на кухне. Это ты молодец!..

Вышел из комнаты папа, в пижаме и с какой-то бумажкой в руке.

— Тебе, Сева, вчера, поздно вечером, прислали бинокль... Я положил его на стул возле кровати. И еще вот эту записку просили передать.

— Как «прислали»? Как «просили»? Кто именно просил?

— Человек какой-то...

Папа потянулся и зевнул.

— Мужчина или женщина?

— Не знаю... Кто-то из соседей дверь открыл, а я не разглядел... Кажется, мужчина.

— Кажется! И как это можно было не разглядеть?!

Папа не спеша, будто ничего такого не случилось, пошел в ванную комнату.

Записка была напечатана на пишущей машинке: «Посылаем тебе полевой бинокль для наблюдения за спутником. Завтра же, после уроков, оставь его в своей парте и сразу уходи! Не вздумай только следить. Если вздумаешь, будет беда!»

Внизу стояли три большие буквы: «Т С Б».

Что это значило? Кто прислал мне бинокль? И эту записку?! И что такое «ТСБ»? Ведь никто, никто, кроме меня и Витьки, не знал, что мы собираемся наблюдать за спутником!

Но размышлять было некогда: скоро уже этот самый второй спутник должен был появиться над Москвой. И я побежал к вешалке...

На улице было утро. Или, верней сказать, только так считалось, что это утро, а на самом деле еще стояла самая настоящая ночь. Было совсем темно. И шел мокрый снежок. И было холодно. Витька поживался и по своей противной привычке тихонько скулил:

— Ну да-а, тебе хорошо-о: у тебя теплое пальто. А у меня куртка... Да-а, тебе хорошо-о: ушанку надел. А у меня кепка... А что ты прячешь под пальто?

— Тайна!

— Покажи-и... Ну, покажи-и...

— Не скули! Все равно не покажу. Вот придем на бульвар...

— Покажи сейчас-ас!..

— Замолчи!

— А я тогда тебе бабушкин бинокль не дам! Вот!..

— Ха-ха-ха! — сказал я громовым голосом прямо Витьке в лицо. — Сдалось мне твое театральное старье! Отправь его в музей. Понял? У меня есть кое-что получше!

И тут я вытащил из-за пазухи свой полевой бинокль. Витьку на утреннем морозе пот прошиб.

— Бинокль?! Откуда?

— Тайна!.. Сам не знаю.

— Как не знаешь?..

Но тут мы пришли на бульвар. Все лавочки были уже заняты. И это в шесть часов утра! Люди были с телескопами, с подозрными трубами... И только у меня в руках был полевой бинокль!

Рядом с нами, на лавочке сидел старичок — маленький, сморщенный, замерзший. А телескоп у него был огромный, на высоком треножнике. Этот телескопище был похож на какую-то птицу с тонкими ногами и длиннющим клювом, только без крыльев.

— Тише, тише, молодые люди! — зашептал он нам. — Мы присутствуем при великом событии!..

И мы с Витькой стали переговариваться торжественным шепотом. Я долго разглядывал в свой могучий бинокль и бледное небо, и снежинки, каждая из которых казалась огромным снежным комом, и памятник великому русскому писателю...

А где-то внизу ныл Витик:

— Дай мне-е... Дай посмотре-еть...

Я оторвался от могучего аппарата и взглянул на Витьку. Он, со своим стареньким бабушкиным биноклем, был какой-то очень несчастный и смешной.

— На, посмотри немножко, — сказал я.

Витька прямо впился в круглые стеклянные линзы. И тут по всему бульвару пошел крик: «Летит! Летит!...». И Витька тоже заорал, как полумумный:

— Лети-ит!..

Я вырвал у Нытика бинокль и направил его прямо в небо. И вдруг сердце у меня забилося, и так сильно, что я даже придержал его локтем: я увидел, как по темному небу мчится красная звездочка. Наша! Красная!..

— Ур-ра! — завопил я на весь бульвар.

И маленький замерзший старичок тоже вдруг подхватил хриплым голосом:

— Ур-ра! Ура, друзья мои!..

А когда мы шли с Витькой обратно домой, мы уже твердо решили, что полетим на Луну, на Марс и куда-нибудь еще подальше. Мы знали: обязательно так и будет! Мы знали это совершенно твердо!

А вот откуда появился вдруг полевой бинокль, мы еще не знали... Откуда же?!!

17 ноября.

Летом можно гонять в футбол, зимой — играть в хоккей. А что делать осенью? На улице слякоть, грязь и вообще противно.

Ребята стали приставать к председателю совета отряда Толе Буланчикову:

— Ну, придумай что-нибудь! Придумай! Не зря ведь мы тебя выбирали!

Толя морщил лоб, чесал затылок, важно вертел в руках самопишущую ручку, но так ничего умного и не придумал. Тогда он созвал совет отряда совместно с активом.

— Пионер должен быть всем ребятам пример, — сказал Толя. — Он должен все время совершать хорошие, общественно полезные дела!

— Это мы без тебя знаем! — крикнул кто-то. — Ты что-нибудь интересное изобрети! Новенькое!

— Давайте подумаем вместе! Всем коллективом! — предложил Толя.

— Собирать металл! — крикнули сзади.

— Мы всегда собирали, собираем и будем собирать металлолом, — сказал Толя. И, заглянув в

— Ура! — завопил я на весь бульвар.

тетрадку — словно не помнил наизусть! — добавил: — Из собранного нами металла можно изготовить десять новых автомашин «Победа»!

— А сколько «ЗИМов»? — ехидно крикнул кто-то.

— Насчет «ЗИМов» я не в курсе.

— Знаем! Слышали! Что-нибудь еще придумаем!

— Давайте собирать бумажную макулатуру, — пропихнула со своей парты Леля Мухина.

— Как тебе известно, Леля, мы и это делаем! — Буланчиков снова заглянул в тетрадку. — Из собранной нами макулатуры можно сделать двадцать тысяч новых тетрадок. И мы будем продолжать эту работу.

— Будем, будем! А что-нибудь еще!.. Что-нибудь, чего мы еще никогда не делали!

— Может быть, Сева Котлов нам поможет? — сказал Буланчиков. — Он ведь у нас великий изобретатель!

Все повернулись, стали смотреть на меня и

ждать. И, наверно, от этого у меня произошло полное затмение мозгов.

Так ничего и не придумав, мы разошлись по домам.

19 ноября.

В последнее время я так привык ко всяким чудесам, что даже перестал обращать на них внимание. И я почти не удивился, когда нашел сегодня в парте записку, опять отпечатанную на пишущей машинке: «Эх, вы, горе-изобретатели! Неужели ж вы забыли, что почти в каждом доме есть люди, которые нуждаются в вашей помощи: пенсионеры, инвалиды войны! И еще: прямо напротив школы вырос новый дом. Неужели не заметили? Да ослепли вы, что ли? Дом еще надо немного принарядить: очистить от мусора и так далее. Тоже ведь неплохое дело, а? Мозгами надо шевелить, ребята!»

И опять в углу стояли те же три буквы: «ТСБ».

Я сразу помчался к Толе Буланчикову и потребовал внеочередного созыва совета отряда совместно с активом.

— Мы же только позавчера собирались, — сказал Толя. — Нельзя устраивать заседательскую суетню!

Любит наш председатель умные выражения!

— Да при чем тут суетня! Никто вовсе не будет суетиться. Есть гениаль-

ные общественно полезные дела! Понял?

На совете отряда я аккуратно изложил все, о чем было напечатано в таинственной записке. Правда, о самой записке я почему-то забыл упомянуть. И все подумали, что новые полезные дела придуманы лично мною. Все хвалили меня.

И только один Витька заныл:

— Да-а... У нас на весь дом только один пенсионер, и Севка его обязательно захватит!

— Как тебе не стыдно! — возмутилась Наташа Мазурина. — Вы можете вдвоем шефствовать над этим пенсионером. Может, он совсем слабый, больной, бессильный...

— Это хорошо-о, если больной, — протянул Витька. — А если здоровый?!

— Ты не должен так говорить! — воскликнула Наташа, самая сознательная девочка в нашем 6-м классе «Б». — И вообще Сева молодец: ведь это он все придумал!

Я стал быстро-быстро собирать книжки... Но, впрочем, неважно, кто это придумал! Важно, что

дела хорошие. Это ведь самое главное! А кто придумал, я, между прочим, и не знаю даже. От кого приходят эти записки? И кто такой «ТСБ»? Кто?!

30 ноября.

Степан Петрович жил в нашем подъезде, на третьем этаже, но мы с Витькой видели его очень редко. У Степана Петровича были, оказывается, больные глаза, он очень плохо видел и редко спускался вниз. Чаще всего он просто сидел дома или дышал воздухом на своем балконе. А балкон этот выходил не во двор, а в переулочек, а в переулочке нам с Витькой делать было совершенно нечего...

В общем, мы редко видели Степана Петровича. А он помнил нас только маленькими, когда мы еще не ходили в школу и не гоняли в футбол, мы тогда ездили в каких-то белых колясочках по бульвару и вели самый настоящий паразитический образ жизни: целый день или спали, или ели. Степан Петрович сказал, однако, что мы были очень славные ребята. Узнав про эти его слова, мама вздохнула:

— Ну, тогда, можете не сомневаться, его ждет жестокое разочарование!

И еще мама сказала, что наш подшефный пенсионер станет теперь самым несчастным человеком на свете и что общественность или райсобес должны не медля ни одной минуты спасти его от нашего шефства. Верите ли? Так прямо и сказала: «Спасти!».

— Ничего подобного! — возмущался я. — Мы будем за ним ухаживать: варить ему обед, бегать за всякими там покупками, убирать комнату и читать ему книжки!

Мама заявила, что после того, как мы один раз сварим обед, надо будет вызывать минимум трех уборщиц, чтобы они скребли кастрюли, в которых все пригорит, чистили плиту и мыли пол. В общем, мама почему-то не верила в наши хозяйственные способности... И очень зря! Я сразу блестяще все организовал. Прежде всего я распределил обязанности: Витька варит обед, бегает за покупками и убирает комнату, а я читаю Степану Петровичу книги и газеты.

Витька, конечно, не согласился. И занял:

— Ну да-а... Выбрал себе самое легкое!

— Не самое легкое, а самое ответственное. Я взял на себя, так сказать, политическую часть шефской работы. Понял?

Тем более, скоро оказалось, что обед варить вовсе не нужно: это делала соседка Степана Петровича. Значит, за Витькой остались только магазины да еще уборка комнаты. И он выполнял эти обязанности с большим удовольствием! Он даже научился различать сорта мяса: какое для супа, а какое для котлет. На рынке Витька обычно долго торговался с молочницами. И тут, между прочим, очень пригодился его характер: он так долго ныл, что молочницы

в конце концов уступали ему, лишь бы отвялся. Витька, запыхавшись, влетал в комнату и победным голосом сообщал:

— Сегодня купил молоко на тридцать копеек дешевле!

— Зачем же это, Витя? — спрашивал своим глуховатым голосом Степан Петрович и протягивал вперед руку: разговаривая с человеком, он почему-то обязательно должен был держать его за плечо или за локоть.

Витька подходил поближе и деловито объяснял:

— Да так интересней! А то скучно очень: подошел, заплатил деньги, купил... Никаких событий!

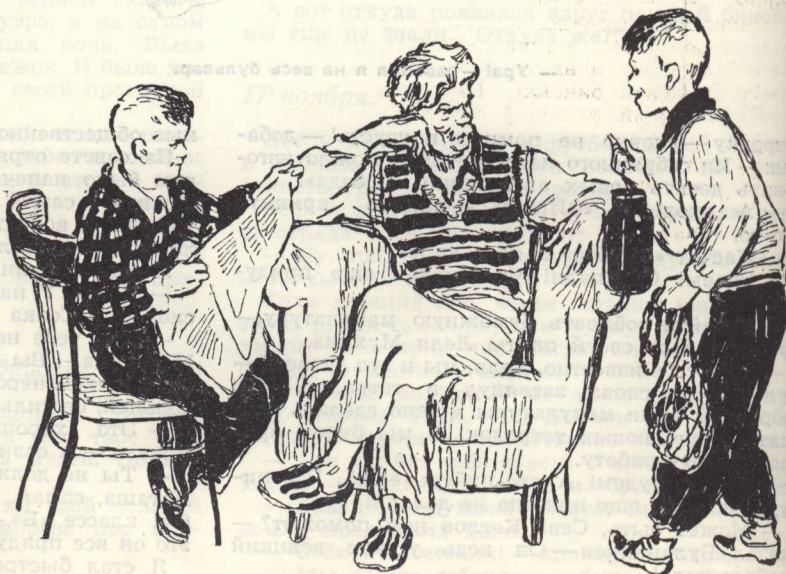
Каждое утро Степан Петрович получал сразу четыре газеты, и я читал ему вслух. Сперва я очень волновался и читал с выражением, будто стихи декламировал.

Но Степан Петрович сказал, чтобы я читал просто и тихо, как разговариваю, а не надрывал себе попусту горло.

И я стал читать по-человечески.

Но дело, конечно, не в этом. А в том, что, читая каждый день по четыре газеты, я стал очень образованным в политическом отношении. Я лучше всех в нашем классе знал теперь о важных событиях, которые происходят у нас в стране и далеко-далеко за ее границами. На переменах я громко наизусть произносил такие мудреные названия зарубежных газет, которые и выговорить было трудно.

Я читал Степану Петровичу и книги тоже. Только у нас вышли небольшие, как это пишут в газетах, разногласия. Я больше всего люблю книги про войну, а Степан Петрович таких книг не любит. Ему тяжело вспоминать о войне: ведь он и в финской участвовал и в Отечественной. А в 1945 году под городом Кенигсбергом его сильно контузило, и он с тех пор стал плохо видеть. И два сына его погибли на войне. Их фотографии висят на стене, над кроватью Степана Петровича, в красных, прямо до блеска от-

— Сегодня купил молоко на тридцать копеек дешевле!

полированных рамках. И когда Витька начинал убирать комнату, Степан Петрович всегда просил его не трогать эти рамки, чтобы он случайно не поцарапал их, не испортил, не разбил стекло.

Степан Петрович сам следил за этими фотграфиями.

У Степана Петровича большая, лохматая голова. И вся белая, седеющая. А на лице рябинки попадают. Иногда, когда я читаю газету или книгу, Степан Петрович вдруг задумывается о чем-то и опускает свою большую голову низко. Я тогда могу замолчать, прекратить чтение, а он и не заметит. Я даже уйти могу — он и этого не заметит. И даже «до свидания» мне не скажет. О чем-то он думает, что-то вспоминает...

А иногда он бывает очень веселым и тогда угощает нас всякими вкусными вещами. Даже неудобно получается: Витька накупит чего-нибудь к чаю, а мы сами все это и съедим. И Степан Петрович очень доволен! В такие минуты он нас очень часто сравнивает со своими ребятами, с теми, которые на стене, в красных отполированных рамках:

— А мои вот сладкого не любили. Кислое им, бывало, подавай: капусту или огурцы. И мои тоже часто вслух читали газеты или журналы. Я тогда еще видел вполне прилично. А они все равно читали мне. И еще друг у друга книжки выхватывали. Один говорит: «Моя очередь!», — а другой: «Нет, моя!..» И такие книжки читали мне, которые сами чуть ли не наизусть знали. И все предупреждали: «Вот сейчас будет самое интересное, вот сейчас!..»

— И я часто так делаю... — сказал я.

А Степан Петрович в ответ почему-то тихо-тихо погладил меня по голове.

Да, в общем, мы шефствуем над Степаном Петровичем. И я до того увлекся этим делом, что даже целых одиннадцать дней дневник не писал. А сегодня вот все сразу и выложил.

Нет, не все. Я совсем забыл рассказать об одном загадочном происшествии. Оно как раз и Степана Петровича касается.

Спускаюсь я однажды на третий этаж, вынимаю из почтового ящика все четыре газеты, вхожу в комнату и вдруг вижу на стене, возле балкона, полевой бинокль. Тот самый! Честное слово, тот самый, который я, согласно приказу, положил после уроков в свою парту. Я тогда в точности выполнил приказ: не стал подглядывать, куда исчезнет бинокль, кто именно придет за ним. И зря не стал подглядывать: сейчас бы я уже не ломал себе голову, не путался бы в раз-

ных дурацких догадках, кто и откуда узнает заранее о всех наших планах, кто интересуется ими... Да я-то полевой бинокль в парту положил, а он вдруг здесь, у Степана Петровича на стене, оказался!

— Степан Петрович, это тот самый бинокль, да? — спросил я тихо.

— Какой «тот самый»?

— Ну, который... возле моей кровати...

— Возле твоей кровати? Ты что-то путаешь, Сева. Этот бинокль — мой боевой спутник! Он со мной на всех фронтах побывал.

— А тогда, ночью... его никто у вас не забирал? Его ведь вчера на стене не было. Он только сегодня появился.

— Брал его у меня один сосед по дому. Он астрономией интересуется.

— Ах, сосед!

Нет, сосед Степана Петровича, конечно, не мог переслать бинокль в нашу квартиру: мы с ним и незнакомы вовсе! А может, это совсем не тот бинокль, в который мы с Витиком-Нытиком спутник наблюдали? Может, это просто двойник того бинокля? Ведь на свете, наверно, много одинаковых биноклей! Да, конечно...

А все же странная какая-то история. И вообще много странного происходит со мной в последнее время. Что все это значит? Не пойму. И никто, я уверен, не поймет. Может быть, рассказать все это моему старшему брату Диме? Нет, нельзя: он на смех поднимет, не поверит, а за колющего Нигилиста просто со свету меня сживет. Он ведь у нас такой дисциплинированный, такой сознательный! Лучше дам ему свое сочинение проверить на тему «О чем я мечтаю».

Я всегда показываю Диме свои сочинения и его дневник, его тетрадки по литературе тоже люблю почитать на досуге. Он, между прочим, недавно написал сочинение про любовь в стихах Пушкина, за которое ему сразу поставили пять с плюсом. Я еще никогда не получал такой отметки.

А это сочинение — «О чем я мечтаю» — мне было особенно трудно писать. Ведь я мечтаю об очень многом: и о полете на Луну; и о новых беговых «норвежках»; и об альбоме с марками (особенно с «треуголками!»); и о том, чтобы наш Димка хоть раз в жизни получил двойку или хотя бы троечку с минусом и перестал быть для меня, как говорит мама, «живым укором»; и о том, чтобы меня приняли в нашу общешкольную футбольную команду, хоть когда-нибудь, пусть даже через десять лет (хотя я ведь тогда уже не буду школьником!); и о том, чтобы разгадать все таинственные случаи, которые произошли со мной в последнее время...

(Продолжение в следующем номере).

Повесть Анатолия АЛЕКСИНА.

Рисунки А. Брея.

(Продолжение)

2 декабря

Моя парта стоит у самого окна, и мне было хорошо видно, как сперва прямо напротив школы появилась красная кирпичная коробка — всего в какой-нибудь метр высотой. Потом коробка стала расти, расти — и вот уже обогнала наш второй этаж, потом и третий, а потом и всю нашу школу переросла. И вот наконец дом построен! Его оштукатурили, словно в новое белое платье одели, — и он сразу стал красивым. И каким-то таким чистеньким, что к нему и подходить было страшно, а вдруг дотронешься до стены — и след останется! Стены-то дома были очень чистыми, прямо белоснежными, а вот вокруг него и внутри скопилось столько строительного мусора, что, казалось, и за месяц не вывезешь!

И вот мы решили устроить субботник по очистке дома. Вернее сказать, это был не субботник, а «вторничник», потому что дело было во вторник. Но все говорили: «У нас сегодня субботник! У нас субботник!», — хотя до субботы оставалось еще целых четыре дня.

Я первый раз был в новом и еще не заселенном доме. Ходил по комнатам и все думал: а кто, интересно, будет жить вот в этой комнате? Может, какой-нибудь старый ученый, каких в пьесах часто показывают, а может быть, целая семья — отец, и мама, и сын. И этот самый сын, может, будет в нашу школу ходить и даже в наш класс! А вдруг!.. И вот они будут жить здесь долго-долго, и дом уже постареет, его будут ремонтировать, и никто не будет знать, что самими первыми побывали в этой комнате мы, ребята из 6-го класса «В»!.. А что, интересно, будет стоять у этой вот стены: тахта, или, может быть, стол, или пианино? А что повесят сюда вот, между окнами?..

Я так долго мечтал, что председатель совета отряда Толя Буланчиков сделал мне замечание: — Ты сюда работать пришел или на экскурсию?

И я стал работать!

Было решено, что для облегчения женского труда носилки будут таскать пионер и пионерка: парень — впереди, а девочка — сзади.

Мне досталось работать с Наташей Мазуриной. Как я уже, кажется, говорил, это самая сознательная девочка в нашем классе. Если учительница задает на дом две задачки, то Наташа решает три или даже четыре, по своей собственной

воле. И учебник истории она, кажется, уже прочла весь до конца и сейчас изучает его уже по второму разу. Представляете себе, каково мне было работать с этой Наташей! Она то и дело поправляла меня: то я носилки не так держу, то пол где-то поцарапал, то стекла протираю слишком сильно, и они, по ее мнению, могут выдаться...

К концу работы я очень устал, но вовсе не от носилок и не от работы, а от нудного Наташиного голоса. Как только позади раздавалось ее знаменитое «И не совестно!», лоб мой сразу становился мокрым. Один раз мы устроили отдых. И тогда Наташа Мазурина задумчиво сказала:

— А хорошо бы украсить чем-нибудь эти комнаты к приезду жильцов!

— Ну да-а... — возразил Нытик. — Им и новые квартиры, им и подарки тоже...

— Тебе не совестно?! — воскликнула Наташа. Но Витьке не было совестно, и она замолчала.

— А что мы можем подарить, ребята? Давайте вместе подумаем! — обратился к отряду Толя Буланчиков.

Мы все вместе подумали немного и все вместе ничего не придумали. И тогда снова взялись за носилки, лопаты и тряпки.

В самый разгар работы на весь дом раздался вдруг ужасный, прямо-таки душераздирающий крик. Я, конечно, сразу узнал голосок нашей Лельки Мухиной. Мы все помчались в соседнюю квартиру, где работала Лелька. Оказалось, что из кучи мусора выглянул кусок электрического провода, а Лелька почему-то решила, что это змея. Змея в новом доме! До этого могла додуматься, конечно, только наша Муха. Ах, почему я до сих пор не засунул ей в парту живого ужа?! Представляю себе, что будет! Или, может быть, этот уж к концу перемены окажется вновь в моей собственной парте, как и еж Борька? Чудеса, чудеса!..

В общем, мы во время своего «вторничного» субботника очистили от мусора только один первый этаж. А в доме-то еще целых шесть этажей! И зачем такие высокие дома строят!

3 декабря

Сегодня у нас в школе вывесили «молнию». И в ней через весь квадратный лист ватмана красный заголовок: «Ценная инициатива!». А чуть пониже синей краской: «Равняйтесь на

них!». Это на нас, значит, на наш отряд: на меня, на Толю Буланчикова, на Витика-Нытика и даже на Лельку Мухину... В «молнии» написано, что «все отряды должны подхватить этот славный почин и помочь строителям очистить все шесть этажей от мусора и стройматериалов!»

«Молния» сверкнула так ярко, что прямо ослепила всех наших ребят,—они ходят по коридору гордые, задрав носы, а все их нахваливают. Все говорят: «Молодцы!», «Настоящие тимуровцы!»—и все такое прочее. Даже строгий учитель истории заявил, что мы, устроив субботник, «оказались достойными наследниками лучших традиций своих отцов!» Вот как здорово!

И никто, конечно, не догадывается, что все это вовсе не наш «славный почин» и не наша «славная инициатива», а выдумка какого-то неизвестного мне человека, который отпечатал на пишущей машинке и сунул мне в парту маленькую записочку и который поставил вместо своего имени три непонятные буквы: «ТСБ».

6 декабря

Есть в нашем отряде кружок «Умелые руки». В него записались все ребята: и те, у кого умелые руки, и те, у кого неумелые, тоже. Это Толя Буланчиков так решил, что все должны записаться.

— Каждый нормальный человек должен что-нибудь уметь, — сказал Толя.—И вообще пусть умелые влияют на неумелых!

Толя был прав: каждый нормальный человек что-нибудь да умеет. Вот я, например, сколачивал клетки для нашего жилого уголка, а Витик-Нытик мне гвозди и молоток подавал, он это умеет!

А потом, когда в пионерской комнате выставку устраивали, на моих деревянных клетках оказались таблички с такой надписью: «Работа пионеров Вити Бородинки и Севы Котлова». Витька вдруг впереди меня очутился, потому что он по алфавиту раньше идет.

Больше всего на выставке было девчачьих работ: вышивки, вязанья, салфеточки, наволочки всякие и прочая ерунда. Это я тогда, когда выставку смотрел, думал, что ерунда. А потом... Прибегаю я однажды в класс после второй перемены (это была именно вторая перемена, потому что Дима сверху, со своего четвертого этажа, мне день-

ги на завтрак приносил и я успел в буфет сбежать), сажусь на скамейку, лезу в парту за тетрадкой, и вдруг рука моя натывается на что-то колючее. «Ах, черт! — думаю.— Неужели наш Борька-нигилист оставил в парте свою иголку?» Подул на палец, открыл крышку и вижу: разломанным напололам перышком приколота записка.

Опять записка! И опять на пишущей машинке напечатанная! А напечатано в ней было вот

Мы очистили от мусора первый этаж...

что: «Медленно у тебя, Котлов, в башке подшпи-ники крутятся и не в ту сторону. Если так и дальше пойдет, тебя неминуемо из Котелка в Кастрюлю переименуют! А теперь читай внимательно!.. Не знаете вы, куда девать изделия своего кружка «Умелые руки». Догадаться не можете? Свалили их все в шкаф, и они там гниют себе на здоровье, моль ими питается. А разве не лучше подарить все это людям, которые в новый дом вселятся? Положите в каждую комнату коврики, вязанья, салфеточки... И пусть девочки вышьют на каждом подарке цветными нитками: «С новосельем, товарищи!». Разве плохо будет? А если у вас подарков не хватит, бросьте клич на всю школу: ведь почти в каждом отряде есть кружок «Умелые руки»! Соображать надо!»

Ну, а в уголке, конечно, стояла та же самая подпись: «ТСБ».

И снова мы созвали экстренный внеочередной совет отряда. И снова все кричали, что я «молодец», и все такое прочее. А я тихонько отвечал, что «я здесь вовсе ни при чем». Правду говорил, но никто мне не верил: «Скромность украшает пионера!.. Всю жизнь будь таким скромным!».

А потом девочки вышли на ковриках и салфеточках разноцветные поздравления. И мы уже собирались снова идти в новый дом, но тут взбунтовались некоторые мальчишки:

— А как же наши работы? Почему только девочки дарить будут?

Девчонки в ответ заголосили:

— А что делать с вашими моделями глассеров и подъемных кранов? Может, вон в той комнате старушка жить будет и ей ваши глассеры совсем ни к чему? А что делать, например, с Севкиными клетками? Их ведь тоже не подарить! Представляете себе, как будет мило: входит человек в свою новую комнату и видит: посреди комнаты стоит здоровенная клетка и на ней надпись: «С новосельем, товарищи!».

— А если переделать клетку в мышеловку? — вылез со своим предложением Витик-Нытик.

— Как тебе не совестно?! — вскрикнула Наташа Мазурина. — Разве в новых домах бывают мыши?! Мыши и клопы — это пережиток прошлого, понятно?

Мы, мальчишки, сказали, что без наших подарков дело не пойдет. А девочки сказали, что они тогда одни, без нас, пойдут в новый дом и разложат свои коврики. А мы тогда сказали, что расставим возле дома посты и не пропустим их. А Наташа Мазурина сказала, что в нас тоже сидят пережитки прошлого...

— Ты хочешь сказать, что там сидят клопы и мыши?! — грозно спросил Коля Тимохин, самый сильный у нас в классе в смысле мускулов и самый слабый в смысле учебы. И дернул Наташу за косу.

Тогда Толя Буланчиков забрался на подоконник и, с трудом установив тишину, предложил отложить на один день «торжественную церемонию внесения подарков в новый дом».

— Мы все крепко подумаем, как быть! — сказал Толя. — Всем коллективно подумаем!

И все разошлись по домам очень задумчивые...

7 декабря

«Что же нам все-таки сделать, чтобы не одни только девчачьи подарки в новом доме красовались? Неужели мы, мальчишки, будущие, можно сказать, мужчины, не сможем соорудить что-нибудь очень-очень нужное для новых жильцов?! Гораздо, ну прямо в сто раз более нужное, чем всякие там салфеточки и подушечки?!» Об этом я думал и вчера вечером, когда лег в постель, и сегодня утром, когда бежал в школу.

Я очень спешил в класс, так спешил, что даже три раза споткнулся на ровном месте. И один раз услышал за своей спиной: «Ишь, как младший Котелок в школу катится! По урокам соскучился!..» Это, наверно, сказал кто-нибудь из старшеклассников — из тех, кто знал и старшего Котелка, то есть нашего Диму. В школу я

Ах, детки, детки, детки,
Сколотим табуретки!

На кухне их поставим
И свой отряд прославим!

и правда бежал очень быстро, но вовсе не потому, что соскучился по урокам. Нет, я просто был уверен, что в парте меня ждет очередная записка от этого таинственного «ТСБ». Уж он-то подскажет нам выход из положения! Ни за что нельзя уступать девочкам: они же потом до самого десятого класса будут насмехаться над нами.

Я подлетел к своей парте, отбросил крышку, но никакой записки там не оказалось. Не было там записки от «ТСБ»!

До урока было еще долго. Забравшись на подоконник (я заметил, что именно там, на подоконнике, мне в голову приходят самые гениальные мысли!), я стал думать... «А что бы, интересно, мог мне подсказать этот самый «ТСБ», если бы он хотел подсказать? — думал я. — Он бы, наверно, прежде всего узнал, что мы умеем делать в столярной мастерской. Так... А что мы там делаем? Доски для стенок? Это новым жильцам не нужно! Ого, если жильцы начнут критиковать друг друга в стенгазетах, такая каша заварится, что ни один управдом не расхлебает! Еще мы делаем скворечники. Но если новым жильцам не нужны клетки для зверей, так и скворечники для птиц им, наверно, тоже ни к чему. А еще мы собирались делать в своей столярной мастерской... мы собирались делать...».

Тут я соскочил с подоконника и на весь класс заорал:

— Табуретки! Ура! Табуретки!

Ну, конечно! Вот что надо дарить новоселам: табуретки! Они всем нужны! Они обязательно должны стоять в каждой кухне возле стола или возле плиты. И мы их сделаем! И мы их принесем на кухню еще до приезда жильцов! Вот сюрприз-то будет! Приезжают люди, заходят на кухню и вдруг видят: стоит новенькая, аккуратненькая, такая симпатичная табуреточка! И на другой кухне тоже и на третьей...

Все представители мужского пола в нашем классе поддержали мой план:

— Это будет дело! Не то что салфеточки и коврики! Мы девочкам докажем!

— Мы докажем! — кричал и Витик-Нытик.

— Молчи уж лучше, — махнул я рукой. — Уж ты докажешь! Опять будешь молоток и гвозди подавать, да?

Наш отрядный поэт Тимка Лапин тут же сочинил песенку:

Ах, детки, детки, детки,

Сколотим табуретки!

На кухне их поставим

И свой отряд прославим!

На перемене мы все помчались в столярную мастерскую и изложили учителю свой план. Он просто в себя не мог прийти от радости.

— Наконец-то вы оценили уроки труда! Труд — это великое дело, ребята! Труд превратил обезьяну в человека!..

А мы в ответ так галдели, что, глядя на нас, можно было твердо сказать: мы все действительно произошли от обезьян. И, кажется, совсем недавно...

10 декабря

Вот и наступила зима!

Вообще-то говоря, мороз уж давно пощипывал лицо и руки, и я уже давно надел зимнее пальто и шапку-ушанку, которые потом еще целые

пять дней пахли нафталином. Но снега все не было и не было. А зима без снега — это, по-моему, не настоящая зима. И вдруг позавчера утром я увидел, что наши подоконники будто заросли белым мохом, и улицы побелели, и все деревья во дворе стали седыми. В воздухе кружились мохнатые звездочки. И хоть на улице сразу потеплело, я сказал: «Пришла наконец моя любимая зимушка-зима!»

Толя Буланчиков, а за ним и все ребята в классе решили, что «нужно провести какое-нибудь очень оригинальное зимнее мероприятие». Такое, какого еще не было ни в одном отряде! И все тут же стали поглядывать на меня. Вот наказание: привыкли, что я всегда что-нибудь придумываю! Но ведь это же мне загадочный «ТСБ» подсказывал!

Я надеялся, что он и сейчас что-нибудь да подскажет. Три дня подряд я прибегал в школу раньше всех, бросался к парте, но она была пуста-пустышка. Только один раз в ней оказался кусок засохшей булки с маслом и колбасой: кто-то из второй смены не доел свой завтрак. А записок никаких не было!

Я снова стал размышлять: «Ну что бы мне мог посоветовать в таком положении этот самый «ТСБ»? Что?!» Все ребята с надеждой смотрели на меня, и от этого я уж совсем ничего не мог сообразить. Я по десять раз в день залезал на свой заветный подоконник, у меня даже поясница заболела. Но никакие «оригинальные зимние мероприятия» не лезли мне в голову.

— Ты просто не хочешь подумать, как следует! — ворчал Толя Буланчиков. — Если бы ты по-настоящему, так, знаясь, по-пионерски, захотел, то уж давно бы что-нибудь придумал!

Ох, и чужак этот Буланчиков! Неужели он думает, что мне охота самому перед всем коллективом подрывать свой авторитет? Но если ничего не придумывается? Виноват я, что ли? А может, я просто привык уже к помощи этого «ТСБ» и отвык думать своей собственной головой? Может быть... Но ведь в этом я тоже не виноват.

Мучения мои кончились сегодня утром. Я снова забрался на подоконник, и вдруг меня осенило: а может, и не нужно вовсе никаких «оригинальных мероприятий»? Снег у нас есть? Есть! Лед есть? Есть! Коньки есть? Есть! И лыжи есть! И санки тоже! Вот и будем ходить на лыжах, бегать на коньках, кататься на санках! Да еще в снежки сражаться. А оригинальных мероприятий совсем не надо!

— Я же говорил, что ты если захочешь, все будет в порядке! — воскликнул Толя Буланчиков. — Вот захотел и придумал! Кто, брат, ищет, тот всегда найдет!

И все меня поздравляли с оригинальной идеей о том, что не нужно нам никаких оригинальных идей. Вот как оно получилось!

12 декабря

Еще в прошлом году мы с Витькой заключили «священный договор» делать письменные уроки по очереди. Это рационализаторское предложение внес, конечно, я. План у меня был очень простой: один день я решаю арифметические задачи и примеры, а Витька списывает у меня. Другой день Витька решает, а я списываю. При этом способе получается огромная экономия

времени. А за счет сбереженных таким образом минут и даже часов можно побегать на коньках, погонять футбольный мяч, почитать книжку и просто поваляться на диване.

Мы бы, конечно, хотели точно так же поступать и с устными уроками: один день по всем предметам отвечаю только я, а другой день — Витька. Этот план, однако, был невыполним: учителя бы никогда не оценили его и не позволили провести в жизнь.

Но письменные домашние задания мы целые полгода делали так, как договорились. И все шло очень хорошо, просто отлично!

Но вот вчера случилось что-то непонятное. Утром, еще до школы, папа, вынимая из почтового ящика газету, сказал:

— Тебе письмо, Сева. И какое-то странное. Первклассник его писал, что ли?

И правда, адрес был написан крупными печатными буквами, как пишут ребята-первклассники. Но ошибок ни в адресе, ни в имени и фамилии не было. Значит, писал не такой уж первклассник!

Соседка Калерия Владимировна, та самая, муж которой, «агроном по образованию», называл меня иногда Севооборотом, а иногда Севообормотом, ехидно сказала старушке-пенсионерке, тете Паше:

— Наш-то кавалер уже стал письма получать!

— А вы уже перестали получать? Завидно, небось? — не поднимая головы от кастрюли, ответила тетя Паша.

И мне, честное слово, хотелось расцеловать ее!

Я быстро надорвал конверт и увидел, что внутри лежит небольшой белый листок, а на нем такими же печатными буквами написано: «Дорогой Сева! Я ничего не могу объяснить тебе подробно, но только знаю: я растураю наш «священный договор». Теперь я буду готовить письменные задания сам. Каждый день сам! И ты делай сам. Это необходимо! Ни о чем меня не спрашивай. Я тебе сейчас ничего не могу объяснить. И вообще не разговаривай со мной целых пятнадцать дней с момента получения этого письма. Если только заговоришь, плохо нам обоим придется! Потом все объясню. И почему пишу печатными буквами, тоже объясню. Твой верный друг Витя!»

Верный! И он еще смеет так называть себя, этот несчастный Нытик! Нарушил священный договор — и хоть бы хны! Теперь придется каждый день корпеть над задачками и примерами. А как раньше было хорошо! Как много было свободного времени!

Так думал я, разрывая на мелкие кусочки Витькино письмо и выбрасывая его в форточку. Я поклялся не прощать Витьке его коварства никогда и жестоко отомстить ему при первом же удобном случае.

В школе я не проронил с Нытиком ни единого слова. И он все время от меня отворачивался. А когда мы случайно встречались глазами, его лицо становилось жалобным-жалобным.

«Ничего, — думал я, — еще не так жалобно выглядишь, когда испытываешь на себе мою беспощадную месть!» Но как отомстить?

13 декабря

Ура! Я придумал план кровавой мести неверному Нытику!

За коварство я отплачу коварством!

Как я уже писал раньше, мы с Витькой жили

в одном доме, а письменные уроки каждый из нас делал через день, — значит, нам нужен был только один задачник по арифметике. У нас и был один задачник: мой! А Витька свою «Березанскую» отнес как-то, в самом начале учебного года, в букинистический магазин, потому что в тот трагический, как теперь оказалось, день у него не хватило денег на кино.

Что же оставалось делать несчастному Нытику сейчас, когда он так предательски и, как пишут в газетах и в нашем учебнике истории, «односторонне» разорвал священный договор?

Ровно в 3 часа 40 минут дня по телефону позвонила младшая Витькина сестренка, первоклассница, по прозвищу Кнопка. Она пропищала в трубку:

— Витя очень просит тебя, Сева, дать ему задачник.

Я услышал, как Витька довольно-таки громким шепотом подсказывает ей:

— Всего на полчаса! Только на полчаса!

— Он просит задачник всего на полчаса, — послушно повторила Кнопка.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся я в самую трубку. — Скажи своему дорогому братцу Витеньке, что он еще ни разу в жизни не смог решить задачку не только за полчаса, но даже и за час. А сегодня задачи очень трудные.

Витька воспитывал Кнопку в высоком уважении к своей персоне. И поэтому младшая сестренка очень оскорбилась за своего старшего брата.

— Сам ты не можешь решить! А наш Витя все может!..

— Если будешь грубить старшим, совсем не получишь задачник, — строго предупредил я.

В трубке послышалось какое-то шуршание — это Витька на другом конце провода воспитывал свою сестренку. Он, наверно, нашептал ей, чтобы она была повежливее, а то он, бедный, может остаться на сегодня без задачника. Перевоспитанная Кнопка заговорила по-другому:

— Спасибо тебе, Сева, за учебник! Я зайду за ним.

— Не раньше чем через полчаса! — воскликнул я, потому что именно в ту минуту мне пришел в голову план кровавой мести. Раздумывать было некогда, и потому план показался мне просто великолепным. «Нет, напрасно думает этот «ТСБ», что мои подшипники медленно крутятся; я еще кое-что соображаю! — так думал я, потирая руки от восторга. — Ага, Витенька, мой бывший дружок-приятель, ты нарушил наш договор, ты воротишь от меня свою унылую физиономию, ты даже по телефону не желаешь со мной разговаривать, так я же отомщу тебе за все это коварство!»

Вот что я придумал! Скажу Кнопке, что задачник сегодня дать не могу: он, дескать, мне самому очень нужен, — а Витьке пошло готовое решение задач. Знаю я его натуру! Хоть он и стал таким, сверх всякой меры сознательным, но, если увидит у себя под носом готовое решение задач да еще взглянет в это время во двор, где ребята будут строить ледяную крепость, не выдержит, все аккуратненько переписет в свою тетрадку. Переписет, да не то, что нужно! Потому что я пошлю ему вместо настоящих решений всякую ерундистику, над которой весь класс завтра хотеть будет.

Нам задали на дом две задачки. Одна из них рассказывала о бассейне, который наполняется

Вот будет потеха, когда Витька начнет описывать птицеферму!

водой сразу через три трубы. Нужно было выяснить, за какое время бассейн наполнится до краев, если открыть вторую трубу через пятнадцать минут после первой, а третью — через пятнадцать минут после второй. Вот что нужно было узнать на самом деле! Но Витька-то этого не подозревает, потому что он не читал задачку, даже в глаза ее не видел. А я ему пошлю решения не про трубы и не про бассейн, а про что-нибудь совсем противоположное... Но про что именно? На столе лежала газета, а в ней была фотография: знатная птичница на птицеферме, в окружении белых кур и петухов. Я бросился к своему столу, вырвал из тетрадки двойной листок в клеточку и написал на нем:

«Первый вопрос. Сколько яиц снесет курица в первый день?

Второй вопрос. Сколько яиц она снесет во второй день?

Третий вопрос. Сколько яиц снесут все птицы на ферме за месяц (не считая, конечно, петухов)?»

И какие-то вычисления в цифрах произвел. Вот уж будет потеха, когда Витька вместо бассейна с трубами начнет описывать птицеферму с курами! Все подумают, что он сумасшедший. Ребята будут на полу от хохота лежать.

Узнает Витенька, как расторгать священные договоры!

Вторая задачка, которую нам задали, рассказывала о двух путниках (не о двух спутниках, а о двух путниках!), которые вышли навстречу друг другу из пунктов «А» и «Б». Нужно было узнать, когда и где они, исходя из размера пути и скорости движения, встретятся.

«Какие бы вопросы придумать вместо этого?» — стал размышлять я. Перевернул все газетные листы, но никаких интересных фотоснимков больше не нашел. А надо было торопиться: вот-вот зазвонит звонок и явится Кнопка. И тогда я вдруг вспомнил про наши знаменитые табуретки. Вопросы несуществующей задачи придумались как-то сразу:

«1. Сколько табуреток нужно поставить одну на другую, чтобы, исходя из размеров комнаты, достичь потолка?

2. Сколько табуреток можно поставить одну на другую, чтобы, исходя из размеров дома, достать до крыши?»

Я быстро произвел некоторые расчеты в цифрах, написал решение и, как полагается, окончательный ответ задачи.

Я уверен, что Витька даже и сомневаться не станет в том, что это именно те самые задачки, которые задавали на дом. Во-первых, Витька не очень-то силен в математике, а во-вторых, ему уж очень хочется сегодня не опоздать во двор к торжественному моменту закладки ледяной крепости, которую ребята еще вчера решили назвать «Шипкой».

Вскоре раздался один коротенький звонок: Витькина Кнопка, видно, еле-еле и лишь на секунду смогла дотянуться до другой кнопки — до той, которая была прямо над нашим почтовым ящиком.

Я схватил двойной листок в клеточку и побежал открывать.

— Витя не стал бы брать у тебя задачник... Но его завтра спросят, — сказала гордая Кнопка.

Я знал, что Витьку завтра спросят: наша математичка проверяла домашние задания по алфавиту. Сегодня она как раз остановилась на Нине Балбековой, значит, завтра очередь Нытика.

— Я не могу дать Вите задачник...

— Жалко, да? — Кнопка презрительно сморщила свой маленький курносый носик.

Мне стало немного не по себе. Глядя куда-то в сторону, на перила, я ответил:

— Нет, мне не жалко. Но просто... Просто у меня его нет. Задачника. Ну, я одолжил его одному товарищу... А вот передай брату эти две странички. Тут все есть... Он поймет!

Ох, и нелегко же далось мне это вранье!

Кнопка двумя пальчиками, словно брезгуя, взяла мои листки и сразу побежала вниз. Только уже с третьего этажа она крикнула: «Спасибо!» И это «спасибо» разнеслось по всем этажам. Знала бы Кнопка, за что она благодарила меня!

Но ничего. Этот урок пойдет на пользу ее старшему братцу! Узнает, как нарушать клятвы и договоры! Вот потеха-то будет завтра в классе, даже представить себе невозможно!

(Окончание в следующем номере)

"ТАЙНЫЙ СИГНАЛ БАРАБАНЩИКА"

или

как я вел *Дневник*

Повесть Анатолия АЛЕКСИНА

Рисунки А. Брея.

(Окончание)

14 декабря

Сегодня, ровно в 7 часов 15 минут утра, вместе со звонком будильника во мне вдруг заговорила совесть. Натягивая валенки, я представлял себе несчастного Нытика и тот позор, который ждет его сегодня на первом уроке.

Только войдя на кухню мыться, я заметил, что валенки мои смотрят в разные стороны, словно отворачиваются друг от друга, как мы с Витиком-Нытиком в последние дни. Все понятно: я от расстройства натянул левый валенок на правую ногу, а правый — на левую. Пришлось сесть на табуретку и переобуться.

— Э-эх, — вздохнула старая тетя Паша, — рас-сеянные нынче молодые люди пошли: науками много занимаются! Для простых-то дел места в голове не остается.

Я махнул рукой:

— Да нет, тетя Паша, науки здесь ни при чем. Здесь совсем другое дело...

Вчерашняя ненависть к Витьке совсем почти прошла. Я даже забыл об «одностороннем нарушении» Нытиком нашего «священного договора». Я думал только об одном: «Что будет сегодня на уроке арифметики? Что будет?» Я волновался так же или даже еще больше, чем в тот день, когда произошла знаменитая история с Диминим паспортом. Эх, и ничего-то я не понял тогда!.. Все мне говорили: «Сделай выводы из всего, что случилось. Сделай выводы из своего поведения!» А я не сделал никаких выводов и вот снова натворил дел.

Чем меньше времени оставалось до урока, тем сильнее меня охватывал ужас. «Все подумают, что Витька просто издевается над классом, — размышлял я по пути в школу. — Или что он сумасшедший! Но его ведь могут повести к доктору, доктор скажет, что он совершенно здоров, и тогда все решат, что он именно издевается. Ему влепят двойку за поведение и будут обсуждать на совете отряда, а может быть, даже на совете дружины. И все из-за меня, из-за моей дурацкой злости! Тоже еще, мститель нашелся! Узнай об этом Наташа Мазурина, она бы правильно сказала: «Кровавая месть — пережиток проклятого прошлого! И ты, Котлов, находишься во власти этого пережитка!»

Так сказала бы Наташа. И она была бы совершенно права. Я в самом деле, наверно, находил-ся во власти пережитков и еще во власти страха: что будет, что будет?!

Я решил предупредить Нытика до урока, во всем ему признаться. И хоть он сам первый вздумал не разговаривать со мной и отворачиваться от меня, я решил протянуть ему руку и даже просить извинения. Лишь бы загладить свой подлый поступок. Совсем загладить, чтобы и следа от него не осталось!

А Витька, ничего не подозревая, как назло, явился уже после звонка, перед самым уроком. Он вошел в класс за какую-нибудь секунду до учительницы. Я только-только раскрыл рот для раскаяния, как все ребята, громыхнув партами, поднялись: на пороге стояла наша математичка. Она была очень доброй женщиной, но сегодня мне показалось, что у нее сердитые глаза. Бедный Нытик! Бедный!..

Математичка Софья Романовна раскрыла журнал и произнесла свои обычные слова:

— А вот мы сейчас посмотрим, как вы дома поработали!

Витька знал, что его спросят, он весь подтянулся, раскрыл тетрадку... И тут я стал молча закрывать его тетрадь и совать ему под нос свою собственную, где были правильные вопросы и правильные ответы.

— Ты чего-о? — шепотом удивился Витька. — Ведь мы же с тобой!..

И он отодвинул мою тетрадку. Отбросил в сторону спасательный круг, который я ему протягивал! Сам, своими руками отбросил!

Так и есть.

— Начнем-ка сегодня с Бородкина, — сказала Софья Романовна.

Витька поднялся. Лицо у него было довольное; он, видно, хотел блеснуть верностью решений двух трудных задач.

«Вот сейчас он блеснет! — с ужасом думал я. — Да так блеснет, что всех кругом ослепит!» И тут же я принял решение: «Нет, этого не должно случиться! Любой ценой искуплю свою вину и спасу Нытика!»

Я вновь раскрыл свою тетрадь и стал совать ее Витьке в руки:

«Вот здесь!.. Здесь правильно... Читай по моей». Витька растерянно моргал глазами. И мне стало еще больше жалко его!

— Отста-аь, я са-ам... — шепотом заныл он.

— Что у вас там происходит? — строго спросила Софья Романовна. — Я ведь вызвала одного Бородкина. Так что ты, Котлов, сиди спокойно!

Легко сказать: сиди спокойно! Я не мог, просто не мог допустить, чтобы Витька прочитал то, что было написано в его тетрадке. Любой ценой я должен был помешать, или, верней сказать, помочь ему.

— Скажи, что забыл тетрадку дома, — опять зашептал я.

Но Витька ничего не понял:

— Я не забыл-ыл. Она во-от... Во-от она!

— Возьми лучше мою! Читай по моей! Слышишь, дурак несчастный!

— Сам дура-ак! — зло прошептал в ответ Витька и раскрыл рот, чтобы читать про куриц, которые высиживают яйца, и про пирамиды табуреток, которые достигают потолка и даже самой крыши.

Тут уж я не выдержал и, забыв, что нахожусь на уроке, просто вырвал у Витьки из рук его тетрадку. Весь класс ахнул и сразу застыл, замер... В гробовой тишине раздался голос нашей доброй Софьи Романовны. Голос был очень сердитым, и оттого, что Софья Романовна была очень доброй и никогда раньше не повышала голоса, ее слова показались мне какими-то особенно грозными:

— Котлов, сейчас же покинь класс! Ты мешаешь нам заниматься. Погуляй в коридоре и приди в себя!

И я покинул класс. Но не стал гулять в коридоре. Нет, я прислонился ухом к замочной скважине и стал слушать. Вот... вот сейчас Витька прочтет: «Сколько яиц снесет курица в первый день?», — и весь класс прямо взорвется от хохота.

Витик-Нытик стал что-то читать по тетрадке, тут я заткнул уши и постоял так минуты две. А когда я вынул пальцы из ушей и снова приставил правое ухо к двери, я услышал добрейший голос Софьи Романовны:

— Пока все хорошо, Бородкин. Молодец! А как у тебя со второй задачей?

Оказалось, что и со второй задачей у Бородкина все обстояло вполне благополучно!

Я привык в последнее время к разным чудесам, но тут уж я ничего не мог понять. Как же так? Неужели Витька разгадал мои коварные планы и все решил сам? Но ведь у него даже нет задачника! А может, он сходил за ним в библиотеку или к кому-нибудь из ребят? Да нет, он строил вчера во дворе вместе со всеми нами ледяную «Шипку»...

Мимо прошла нянечка и, покачав головой, сказала:

— Выгнали? Выперли из класса-то? И не стыдно? Эх, увидели бы тебя сейчас твои родители!

Потом она принесла щетку, стала подметать пол и все никак не могла успокоиться:

— Какие для них условия представляют! А они, ироды!..

Я все продолжал теряться в догадках. И, наверно, совсем бы потерялся, но тут затрезвонил звонок, и школа, которая только что была тихой и будто совсем пустой, вдруг ожила, и зашумела, и запрыгала, и даже запела...

Ребята окружили меня и стали на разные голоса упрекать:

— Это уж слишком, Котелок!

— Подсказывал бы тихонько, а то лезет, как агрессор: вырывает тетрадку!..

— Витька и без тебя все знал. И вообще надо кончать с подсказками!

— Нет, иногда можно... Но когда товарищ погибает. А тут не было никакой необходимости!

Наташа Мазурина презрительно взглянула на меня, и я прочел в ее глазах знаменитое: «И тебе не совестно?!»

Вышел из класса и Витька. Я сразу подбежал к нему и, забыв даже про оскорбительную записку Нытика, сказал:

— Прости меня, Витя.

Витька, видно, очень обрадовался, что я заговорил с ним:

— За что же прощать? Ты просто сперва перепутал...

— Нет, я не перепутал. Я нарочно послал тебе не те решения...

— Нарочно? — протянул Витька своим обычным, обиженным голосом. Но потом, будто вспомнив что-то важное, спохватился: — Это спер-

— Какие для них условия представляют! А они, ироды!..

ва ты сделал нарочно! А потом ведь ты все исправил...

— Я исправил?

— Ну да...

— Ничего не понимаю.

— Ты же опустил в почтовый ящик записку. Вот эту. Ты же опустил?

— Я опустил?!

— Ну да-а...

С этими словами Витька полез в карман и достал оттуда смятую бумажку. На ней большими печатными буквами было написано: «Вот условия задач, которые нам задали сегодня на дом. Решаю сам!»

Дальше шли уже известные мне рассуждения о бассейне, который наполняется двумя трубами, и о путниках, которые вышли навстречу друг другу из пунктов «А» и «Б».

А в самом конце записки стояла подпись: «Се-ва».

Сева! То есть получается, что это писал я. А я на самом деле этого никогда не писал! В чем же тут дело?

— Я сперва и сам удивился немного, — сказал Нытик. — Почему, думаю, Котелок стал писать печатными буквами? Но потом вспомнил, что ты уже писал мне однажды такими же точно буквами.

— Я?! Когда? Это ты мне писал печатными буквами, а не я тебе.

— Нет, ты мне! Ты-ы! Ты-ы-ы! — как-то очень решительно и обиженно занял вдруг Витька. — Я ведь ту записку тоже храню!

Он помчался в класс и прибежал оттуда через минуту, победно размахивая белым листком. Мы оба склонились над этим листком и прочитали вслух:

— «Дорогой Витя! Я ничего не могу объяснить тебе подробно, но только знаю: я расторгаю наш «священный договор»! Теперь я буду готовить письменные уроки сам. Каждый день сам! И ты делай сам. Это необходимо! Ни о чем меня не спрашивай. Я тебе сейчас ничего не могу объяснить. И вообще не разговаривай со мной целых пятнадцать дней с момента получения этого письма. Если только заговоришь, нам обоим плохо придется. Потом все объясню. И почему пишу печатными буквами, тоже объясню! Твой верный друг Сева».

— Но ведь я получил такую же точно записку! — воскликнул я.

— От кого?

— От тебя! Не притворяйся, пожалуйста. Ты же писал?

— Не ври-и. Я ничего не писал.

— И я ничего не писал.

— Значит, кто-то... — таинственно прошептал Витька.

— ...прислал нам одну и ту же записку, но только подписал ее разными именами! — закончил я.

— Покажи свою, — все еще не веря мне, потребовал Витька.

— Я разорвал ее.

— Ах, разорва-ал?..

— Ты мне не веришь?! Клянусь... клянусь... — Я никак не мог придумать, чем бы таким поклясться. — Клянусь... Чтоб мне ни разу в жизни в кино не попасть! До самой смерти!

Витька даже вздрогнул от такой страшной клятвы.

— Я верю тебе...

— Так ты, значит, поэтому от меня и отворачивался?

— И ты тоже из-за этой записки?

— Ну да!

Ох, и здорово нас кто-то одурачил! Заставил нарушить «священный договор», а чтобы мы не могли договориться друг с другом и выяснить, что к чему, заставил нас отворачиваться друг от друга. И печатными буквами записки написал, потому что сообразил, что я знаю Витькин по-

— Я получил точно такую же записку!

черк, как свой собственный, и он мой точно так же. Хитро придумано! Это уж действительно какой-то «великий комбинатор» изобретал! Но кто он? Кто он такой? А самое главное, откуда он мог узнать еще вчера обо всей этой истории с задачками? Ведь о ней не знал никто, кроме меня. Никто на всем белом свете! С ума сойти можно!

Мы с Витькой только затылки чесали.

Мимо прошел Толя Буланчиков.

— А-а! Друзья встречаются вновь? — сказал он. — Это очень хорошо: дружба, знаете ли, дороже всего на свете!

Но мы даже не обратили на Буланчикова никакого внимания.

Наконец я пришел в себя и сказал:

— Теперь восстановим наш «договор»! Ладно?

— Не зна-аю... — протянул Витька. — Мне даже немного, как бы это сказать... понравилось, что ли...

— Что тебе понравилось?

— Ну, самому, как бы это сказать... задачки решать. И отвечать потом как-то приятнее. Я вот сегодня... И Софья Романовна похвалила! «Молодец!» — говорит.

— Ну, ладно! Мы об этом еще подумаем, — перебил я Витьку. Потому что об этом и в самом деле стоило немного подумать.

17 декабря

Сегодня председатель совета отряда Толя Буланчиков поручил мне зайти домой к Володе Каталкину и помочь ему по арифметике. Во-

лодя уже целые две недели не ходит в школу. У него какая-то очень странная болезнь — воспаление среднего уха. Я до сих пор думал, что у всех людей только два уха и оба крайние: одно левое, а другое правое. Но, оказывается, у нас есть еще третье ухо — среднее. Только мы его не видим. Вот оно-то как раз у Володьки и болит...

Сегодня после уроков я отправился к Каталкину. Он живет в старинном одноэтажном домике. А домик стоит в небольшом садике за забором. Я, когда вижу такие дома, всегда думаю: здесь вот, наверно, жил до революции какой-нибудь важный барин, князь или даже, может быть, граф. И по утрам к подъезду подкатывала тройка, а на козлах сидел бородатый кучер и лихо натягивал вожжи. А лакей вскакивал на запятки. И один вот такой граф занимал целый дом, а сам ничеготеньки не делал, только своих дворовых гонял с утра до вечера. А сейчас в доме живут, может быть, внуки этих дворовых и крепостных. А граф удрал за границу и работает где-нибудь в Париже официантом в ресторане. Мне почему-то кажется, что почти все дворяне, которые за границу удрали, стали там официантами...

На доме Володьки Каталкина какие-то старинные крендели, которые, как я узнал, называются вензелями. И две буквы внутри этих вензелей: «Б» и «К». Это, наверно, инициалы князя или графа, который проживал когда-то в Володькиной комнате.

От забора на дорожку падают ровные полоски: темные и светлые. Шагая по этим полоскам, я добрался до калитки. Но только стал открывать ее, как вдруг отскочил от забора и даже одной ногой в сугроб провалился. Во дворе я увидел огромную серобелую немецкую овчарку. Я ей, наверно, чем-то не понравился, потому что она стала громко лаять и с самым зверским видом рваться мне навстречу.

Собака была, конечно, привязана к столбу, но не цепью, а какой-то очень ненадежной веревкой. Веревка, казалось, вот-вот оборвется. А надо сознаться, что я с раннего детства боюсь, или, лучше сказать, остерегаюсь собак. И недаром! Когда я был еще в детском саду, меня тяпнула за ногу такая же вот огромная серая немецкая овчарка, и я потом целый месяц ходил на уколы. Помню, живого места на моем животе не осталось.

«Уж лучше поищу другую калитку», — подумал я. Обошел кругом вдоль забора. Но никакой другой калитки не было. Тогда я стал звать Володю.

Я кричал, а собака в это же самое время лаяла, да еще ветер подвывал ей вовсю, так что Володя меня не услышал.

Я еще походил-походил вдоль забора, захотел есть, замерз и поплелся домой. Володька ведь завтра не собирается в школу, так что я еще успею оказать ему свою товарищескую пионерскую помощь. А собаку они, может быть, завтра в комнату заберут или привяжут понадежнее, цепью какой-нибудь. Вот позвоню Володьке по телефону и попрошу, чтобы привязали. Хватит с меня укулов!

Веревка, казалось, вот-вот оборвется.

18 декабря

Степан Петрович плохо видит. Но зато он очень хорошо слышит. Когда хлопает парадная дверь и человек только еще входит в коридор, Степан Петрович сразу узнает, кто именно пришел. И никогда не ошибается!

Сегодня, когда я вошел к нему в комнату, Степан Петрович спросил:

— Что ты там замешкался, Сева? Я уж минут пять назад услышал твои шаги по коридору. И почему, думаю, он в комнату не идет?

— Меня соседка ваша попросила помочь. Бак на плиту ставили. Она белье кипятит...

— Ах, белье? — Степан Петрович поднял очки на лоб и лукаво прищурился. — А я думал, там, возле двери, собака на веревке бегает.

Я вздрогнул... Собака? Это Степан Петрович сказал не случайно! Откуда он знает о вчераш-

ней собаке? Откуда?! Ведь рядом со мной никого не было. И никто ничего не видел. Откуда же он знает? И даже о том, что собака бегала не на цепи, а веревкой была привязана, и об этом знает. Прямо волшебство какое-то! Ни одного дня не проходит без чудес! Ну и жизнь у меня пошла: только и ломай себе голову над всякими загадками! И ничего все равно не разгадаешь!..

В эту минуту хлопнула дверь в коридоре.

— Наш «главпродукт» пришел,— сразу сказал Степан Петрович. Это он так Витьку прозвал. Нытик влетел в комнату, нагруженный пакетами и кулками. На шапке и воротнике у него еще не растаяли снежинки, а лицо было раскрасневшееся и гордое. Нытик очень любил рассказывать о своих хозяйственных успехах:

— Я купил вам мандарины, Степан Петрович! Их прямо с юга привезли. На самолете! Только вчера они, может быть, на солнышке грелись, а сегодня мороза попробовали. Здорово, а?

Я воспользовался этим разговором и тихонько прямо без шапки и без пальто вышел на балкон. Он был весь покрыт снежным пушистым ковриком. И на перилах тоже лежал снег.

«А может быть, отсюда виден домик Володьки Каталкина? — думал я.— И Степан Петрович все сверху разглядел?» Но тут же спохватился: да ведь Степан Петрович почти ничего не видит! А может, кто-нибудь другой разглядел отсюда и ему все рассказал? Но нет, балкон выходил совсем в другой переулок. И здесь тоже было несколько невысоких старинных домиков с кренделями-вензелями над окнами, но того самого, возле которого бегала на веревке собака, не было.

Я вернулся в комнату.

На столе валялись оранжевые корки, и Витька весело уплетал мандарин.

— Ты, Сева, выходил на балкон? — спросил Степан Петрович.

— Да, знаете, захотелось подышать свежим воздухом... День сегодня, знаете, чудесный!

— Мороз и солнце? — Степан Петрович глубоко вдохнул морозный воздух, который прямо хлынул с балкона в открытую дверь.

— Ну, я побегал! — дожевывая мандарин, сообщил Витька. — Мне еще надо курицу купить.

Он очень увлекался покупками, хотя ему потом и приходилось отчитываться перед строгой соседкой Степана Петровича, которая упорно называла Витьку не «главпродуктом», а «главфруктом». Соседка упрекала Нытика в том, что он «выбрасывает деньги на ветер» и скоро «пустит бедного Степана Петровича по миру».

— Я на рынке всегда торгуюсь и никогда не уступаю! — гордо отвечал Витька. — А скупиться мы не можем. Мы должны покупать все самое лучшее: шефствовать так шефствовать!

Вот и сейчас он собирался мчаться за какими-то курами, которых, как он точно узнал, должны привезти в диетический магазин.

— А сколько яиц съест курица в первый день? — тихонько спросил я у Витьки.

Он в ответ обиженно надул губы:

— Не забуду этого... Никогда-а...

Он уже направился к двери, но Степан Петрович остановил его:

— Хватит на сегодня покупок. Разденься, Витька. И если у тебя еще есть время, почитай мне, пожалуйста, сегодняшние газеты.

Когда я выходил на балкон без пальто и без шапки, мне совсем не было холодно, а тут вдруг

по телу пошли мурашки: «Как же так? Витька будет читать газеты? А я? Это же мой шефский участок!»

— Сева сегодня, к сожалению, занят,— пояснил Степан Петрович. — Ему надо пойти к Володе Маталкину и помочь ему... По арифметике, кажется.

— Не к Маталкину, а к Каталкину,— тихо поправил я.

— Кстати... — Степан Петрович снова поднял очки на лоб и хитро прищурился. — Кстати, собака у этих Каталкиных-Маталкиных, по моим точным сведениям, только глотку дерет понапрасну, а сама даже мясо боится укусить, когда в миске обед приносят.

— Степан Петрович, а откуда вы знаете про все про это: и о собаке и о Каталкине тоже? — спросил я тихо.

Степан Петрович подмигнул мне и своим глуховатым баском пропел на мотив известной арии из оперы «Пиковая дама»:

— Три буквы, три буквы, три буквы!..

— Какие три буквы? — сперва не понял я. Но уже в коридоре меня осенило: «ТСБ!» Вот какие это буквы!..

21 декабря

Кто же такой «ТСБ»? Я думаю об этом целые дни, с утра до ночи. И даже ночью иногда думаю.

А однажды мне приснился страшный великан в черной маске и длинных черных перчатках до локтей. Он подкладывал мне в парту самого настоящего живого крокодила. Я хотел убежать, но, как это всегда бывает во сне, не мог сдвинуться с места. А в ушах у меня почему-то звучал преспокойный голос нашей Анны Рудольфовны:

— А как будет по-немецки «крокодил»? Не знаете, Котлов? Запомните, если вам не трудно, что «крокодил» по-немецки будет «ТСБ», «ТСБ»...

От всей этой чертовщины я проснулся и увидел над собой испуганное и, как всегда, очень странное без очков лицо Димы:

— Ты не заболел? Что с тобой, Котелок?..

Станный все же человек наш Дима: то грозит выкинуть мою раскладушку в коридор, где от дверей холодным ветром дует, а то о здоровье моем беспокоится. И всегда он так: то хороший, добрый, а то злится и ко всему придирается!

Ах, если бы он знал, что происходит с его младшим братом, если бы он только знал!

И как странно ведет себя этот «ТСБ»: иногда он помогает мне, подсказывает разные хорошие мысли, а иногда вмешивается в дела, которые его вовсе не касаются, и срывает мои самые лучшие планы. Ведь это он, я уверен, что он, переложил нашего колбочего Борьку-нигилиста из мужинской парты обратно в мою собственную. И это он послал мне и Витьке те самые записки и добился-таки, что мы целых три дня не разговаривали друг с другом. И, может быть, это он доложил Степану Петровичу об истории с собакой, которая «только глотку дерет понапрасну, а сама даже мясо боится укусить, когда ей обед приносят». Все это он!..

А кто «он»? Не знаю. И думаю об этом все время до того, что даже не слышу на уроках, о чем рассказывают учителя. Позавчера, например, учитель истории сказал вдруг:

— Котлов, закончи мою мысль.

Но я не мог закончить его мысли, потому что не знал, с чего она началась.

И в тот же день после уроков мы с Витькой собрали в ванной комнате экстренный совет. Мы твердо решили выяснить, кто такой «ТСБ» и почему он вмешивается в нашу жизнь.

— Пусть лучше и не помогает нам и не портит наших планов, пусть вообще не лезет в чужие дела! — решительно заявил я.

Витька высказал мысль, что здесь, быть может, орудует не одно лицо, а какое-нибудь тайное общество или союз. В общем, какая-нибудь организация, а «ТСБ» — ее сокращенное название.

— Давай попробуем расшифровать это название, — предложил я.

Мы сели в разных углах комнаты, наморщили лбы и только время от времени вскакивали как сумасшедшие и выкрикивали:

— Тайный совет бандитов!

— Темное сообщество бездельников!..

Но потом мы вспомнили, что многие советы «ТСБ» были как раз очень деловыми и даже полезными, при чем же здесь бездельники и бандиты?

И мы стали искать совсем в другом направлении. Расшифровывая загадочные три буквы, мы поочередно выкрикивали:

— Твердость. Смекалка. Бесстрашие!

— Тайный Сигнал Барабанщика!

— Это вот похоже-оже!.. — обрадовался Витька.

— На что похоже?

— На то, что нужно!

— Ни на что это не похоже! Просто бессмыслица: какой-то сигнал, какой-то барабанщик... И зачем ему вдруг барабанить? Давай дальше!

— Трое Смелых Борцов!

— Трест Самых Благородных!

Так могло бы продолжаться до бесконечности: до «Последних известий» или даже до сводки погоды! Но когда вспотевший от напряжения Витька, глядя куда-то вдаль бессмысленными глазами, выпалил: «Товарищество Свободных Библиотечкарей!» — я сказал:

— Довольно! Хватит! Мы с тобой уж, как это говорится, до точки дошли. Такую ерунду стали пороть, что слушать противно. «ТСБ» — это, вернее всего, никакая не организация, а первые буквы имени, отчества и фамилии. Понял?

— Чьи буквы?

— Если бы я знал, чьи, так и отгадывать было бы не нужно. Давай соображать. Давай анализировать все, даже самые мелкие факты, как это делал Шерлок Холмс!

— Давай-ай...

— Человек, который подсовывает эти записки, знает обо всех наших отрядных делах и обо всех наших планах. Так?

— Та-ак...

— Он даже знает, какие именно нам задачки на дом задали. Он так и написал, между прочим: не «вам», а «нам задали». Значит, он учится в нашем классе! Это ясно?

— Я-ясно...

— Кто у нас в классе есть на букву «Б»? Бородин, то есть ты...

— Я-я...

— Ты сразу отпадаешь: тебе никогда в жизни не придумать таких дел, какие нам этот «ТСБ» подсказывает.

— Ну да-а, не приду-умать!.. — заныл Витька.

Но я, не обращая на него никакого внимания, продолжал:

— Дальше идет Балбекова... Она тоже отпадает: во-первых, девчонка, а во-вторых, ее Нинкой зовут. А у нас первая буква «Т». Стало быть, остается один Буланчиков.

— Но ведь его Анатолием зовут.

Вите почему-то очень хотелось, чтобы и Буланчиков тоже отпал. Но я этого не допустил:

— Анатолий!.. А уменьшительно-то как будет? Толька! Мы его так и зовем. Это когда вырастет, его будут Анатолием величать. Значит, остановимся на Буланчикове... Чует мое сердце, что это он нас и разыгрывает! Сам подкладывает мне записочки и сам же потом насмехается: «Молодец! Гордость отряда!..»

И он один про Володьку Каталкина знал. Это же он поручил мне навестить его. Поручил, а сам, наверно, коварно сзади шел, все подсматривал и потом Степану Петровичу рассказал.

Страшный великан в черной маске подкладывал мне в парту живого крокодила.

— Сами идите домой! Я совершенно здоров!

— А что рассказал? — всполошился Витька: я ведь его не посвящал в историю с собакой.

— Да так... ничего особенного... Про собаку...

— Про какую собаку?

— Да там про одну. Я, в общем, вспугнул ее... Она сорвалась с цепи и убежала...

— А потом вернулась?

— Потом вернулась.

— Ясно! Собака всегда находит хозяина. А Только все это видел и растрепал?

— Ну да...

— Завтра мы его разоблачим! — решительно заявил Нытик.

— Погоди. Надо еще узнать его отчество. Может, не подходит?

На следующий день утром, еще до уроков, я подскочил к Тольке Буланчикову и прямо в упор взглянул на него. Толька как-то вздрогнул и слегка попятился в сторону. «Ага! Смущается! Совесть заговорила!» — подумал я и, не отводя глаз, спросил:

— Как зовут твоего отца?

— Моего папу? А что?

— Как зовут твоего отца, я спрашиваю?!

— Сигизмундом Ивановичем...

— Все! Есть! Попался! Значит, ты — Толя Сигизмундович Буланчиков?! Попался!

— Кто? Мой папа?

— Не выкручивайся! Оставь своего папу Сигизмунда! Все ясно: он составляет вторую букву! Значит, ты и есть «ТСБ»? Ха-ха-ха! Все ясно!..

Толя слегка побледнел, глаза у него сделались круглыми, и он все время шептал:

— Успокойся, успокойся, Севочка!.. Ну, хорошо, хорошо... Допустим, что я попался, что я этот самый «БСТ»...

— Не «БСТ», а «ТСБ»!

— Ну пусть «ТСБ»... Допустим... Только не волнуйся, пожалуйста...

— Что ты меня успокаиваешь? Попался?!

— Ну, допустим... Только не волнуйся!

— Ага, сознался! Сам сознался! Значит, это ты

подкладывал ко мне в парту ежа?! А потом еще насмехался? И записки всякие!..

— Ну, допустим... Допустим, что я действительно... так сказать, подкладывал... и ежа, и носорога, и кого хочешь! Только успокойся, успокойся, Севочка! Успокойся, Котелок!

— Не успокоюсь! — крикнул я и побежал в класс, потому что уже зазвенел первый звонок.

Толя вошел в класс вместе с учителем истории. Историк, очень строгий и никогда не улыбающийся, вдруг как-то жалостливо посмотрел на меня и сказал:

— Котлов, может быть, ты хочешь пойти домой? Может быть, ты переутомился?

Переутомился! Это слово и на перемене все шепотом повторяли за моей спиной. Наша умная и сознательная Наташа Мазурина упрекала Тольку Буланчикова:

— Мы сами виноваты. И в первую очередь ты, как председатель совета отряда. Ты не проявил чуткости... Навалились на него всем классом: «Давай нам гениальные идеи! Котелок придумает! Сева подскажет!» Вот он и не выдержал...

Все в этот день смотрели на меня очень сочувственно, перешептывались за моей спиной. Я один (Витька, как нарочно, заболел вирусным гриппом) пытался объяснить всему классу, что я вовсе не переутомился, что мне не отчего было переутомляться, пытался рассказать ребятам про историю с «ТСБ», и с ежиком-нигилистом, и с полевым биноклем, который неизвестно кто прислал мне и неизвестно кто унес из моей парты... Но ребята не дослушивали до конца, с жалостью смотрели на меня и тут же как-то очень быстро со всем соглашались, кивали головами.

— Да, да... Мы понимаем, мы верим... Ты прав, Севочка. Только не волнуйся, пожалуйста. Только успокойся. Хочешь, мы проводим тебя домой?

— Сами идите домой! Я совершенно здоров!..

Когда я десятый или двадцатый раз выкрикнул это, я услышал, как Наташа Мазурина тихо и грустно сказала за моей спиной:

— Первый признак! Все безумные считают,

что они абсолютно здоровы. Надо принимать меры, ребята! И действовать быстро, по-пионерски!..

Я не дал им действовать «по-пионерски» — вырвался и удрал домой. «Завтра вот покажу им все записки, в правом уголке которых стоят прямые печатные буквы «ТСБ», тогда узнают, кто из нас сумасшедший, а кто нормальный!»

22 декабря

Наша соседка Калерия Владимировна очень любит читать книжки про сыщиков и всякие страшные приключения. Книжки эти почти всегда старые, какие-то пожелтевшие и состоят из отдельных листочков. Калерия Владимировна читает их всюду: и у себя в комнате, и на кухне, над газовой плитой, когда обед варит, и даже в ванной комнате, когда моется. Муж ее, агроном Клячин, часто кричит ей из коридора:

— Калера, не смей читать в ванне: ты получишь разрыв сердца!

— Да, я когда-нибудь получу разрыв сердца, — говорит наша соседка. — Но не от горячей воды, а от этих острых, захватывающих сюжетов! Мне ведь, поверьте, кажется, что я сама общаюсь с разными Шерлоками Холмсами, беседую с ними и даже пью их горячий грог! Умели же раньше писать!..

Я не очень-то верил, что Калерия Владимировна хочет общаться с бандитами, потому что она ужасная трусиха. Все эти старые романы до того запугали ее, что она вздрагивает от каждого шороха на кухне и сразу хватается за сердце. А по ночам запирает свою дверь сразу на три крючка.

Недавно Калерия Владимировна распустила по всей квартире слух, что на чердаке, который находится прямо над ее комнатой, происходит что-то непонятное.

— Там кто-то орудует! — заявила Калерия Владимировна. — Каждую ночь я слышу вздохи и крики о помощи.

— Почему же вы не бежите на помощь-то? — удивилась старушка тетя Паша.

— Меня не пугает муж! Он удерживает меня!.. А то бы я...

— Сам тогда пусть оденется да и сходит наверх. Или хоть в милицию позвонит, — не унималась тетя Паша.

В общем, Калерия Владимировна в конце концов добилась того, что все наши соседки перестали развешивать белье на чердаке. А одна соседка, у которой там стоит бочонок с кислой капустой, даже сказала:

— Пусть сгниет моя капуста! Не пойду я туда, раз там кто-то орудует!

Я посмеивался над нашими соседками... Но посмеивался я только до сегодняшнего дня. А сегодня, ровно в 3 часа 20 минут, мне стало не до смеха.

Я получил по почте заказное письмо. Адрес и само письмо были опять напечатаны на пишущей машинке. И на той же самой! Я уж теперь отличу этот шрифт из тысячи. Буква «Л» бледно получается... В записке было вот что: «Как только стемнеет, поднимись на чердак. Приходи туда один. Доберись до самого дальнего левого угла, и там, под бочонком с капустой, лежит очень важное для тебя письмо. В нем — раскрытие всех тайн! «ТСБ».

Не знаю уж, как это получилось, но только я сразу отправился на кухню и стал расспрашивать Калерию Владимировну о нашем чердаке и о том, какие оттуда по ночам доносятся звуки. Соседка страшно обрадовалась и начала рассказывать мне про таинственный чердак. Оказывается, сегодня ночью она видела, как с чердака спустились сразу несколько веревок. Эти веревки даже задели ее подоконник и чуть было не свалили вниз банку с маслом, которая стояла за окном.

Ободренный этим рассказом, я вернулся в комнату. Мне показалось, что из окон сильно дует и что вообще в комнате как-то прохладно. Я плотно закрыл форточку и проверил трубу; она была не горячей, а прямо-таки раскаленной. Тогда я с возмущением подумал: «Неужели мне страшно? Неужели я боюсь? Нет, я не трус! Я не похож на Калерию Владимировну! Но кто же все-таки мог спустить с чердака веревки? И зачем?»

Я уже десять раз перечитал записку, подписанную все теми же тремя непонятными буквами. Я выгугил ее всю наизусть!

«А может, захватить с собой Витика-Нытика? — думал я. — У них ведь там, на нижних этажах, не слышно, как на чердаке «кто-то орудует», он ничего про это не знает и не будет бояться». Но захватывать с собой Нытика было никак нельзя: ведь в записке было ясно напечатано: «Приходи туда один». Да я к тому же вспомнил, что Нытика угораздило заболеть вирусным гриппом.

«А может, вообще не ходить на чердак, — подумал я. — Но тут же спохватился: нет, нельзя! Ведь если этот «ТСБ» добрался уже и до Степана Петровича, он обязательно сообщит ему, что я струсил, и тогда Степан Петрович снова будет презирать меня. И еще сильнее, чем из-за этой горластой немецкой овчарки!»

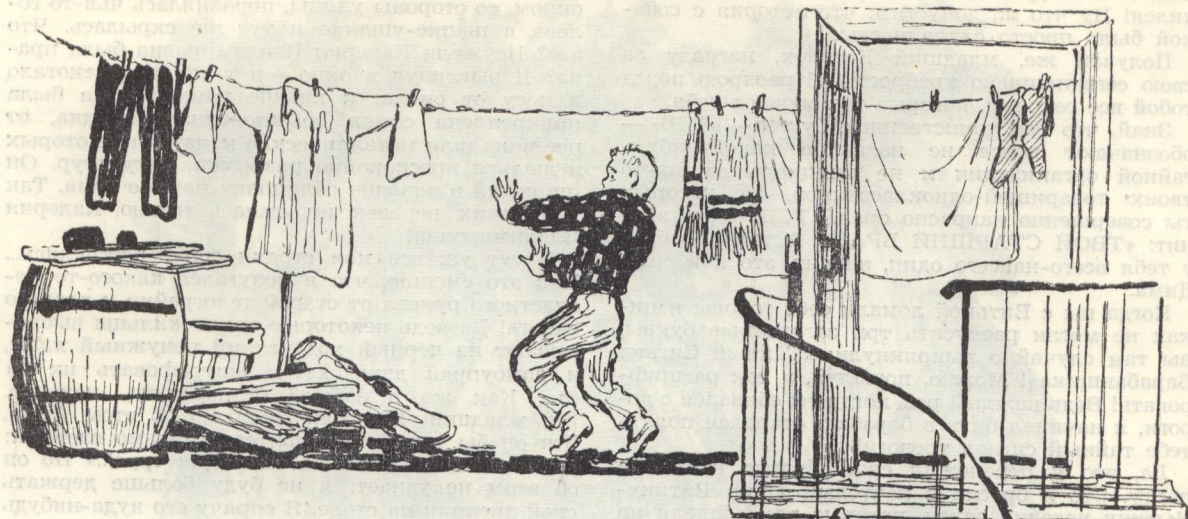
Зимой рано темнеет. Уже в пять часов в окнах домов зажглись огни. А я нарочно не зажал света, чтобы убедить себя, что вечер еще не начался. Я все тянул, тянул... Но без конца тянуть было невозможно: скоро должна была прийти с работы мама. А я еще не сделал никаких уроков: все о чердаке думал. Ну, а если мама узнает, что я не прикасался к урокам, она меня не то что на чердак — и в коридор-то не выпустит. В общем, надо было решиться...

И я решился!

Я вышел через кухню на черный ход. Дверь я на всякий случай оставил приоткрытой: если что-нибудь случится, буду кричать — и пусть будут на помощь!

На чердак вела узкая винтовая лестница. Я стал медленно подниматься по ней. Все время я наткнулся на какие-то старые ведра, которые со страшным грохотом скатывались вниз, и на какие-то разбитые горшки, и на доски... Один раз я чуть было не вскрикнул: прямо под ногой у меня было что-то мягкое и, как мне показалось, теплое, живое... Я потрогал это «мягкое» рукой — и оказалось, что я наступил на рукав от старой телогрейки. Я остановился: «Как здесь оказался этот рукав? Может быть, это все, что осталось от смельчака, который дерзнул подниматься на чердак до меня?» Еще через минуту я с ужасом наткнулся на чей-то сапог. Все ясно: и это остатки того же самого смелого безумца!..

В этот самый момент снизу раздался визгливый голос Калерии Владимировны:

— Безобразие! Дверь за собой не закрывают! Заморозить хотят!

Дверь с шумом захлопнулась — и на черном ходу сразу стало темным-темно.

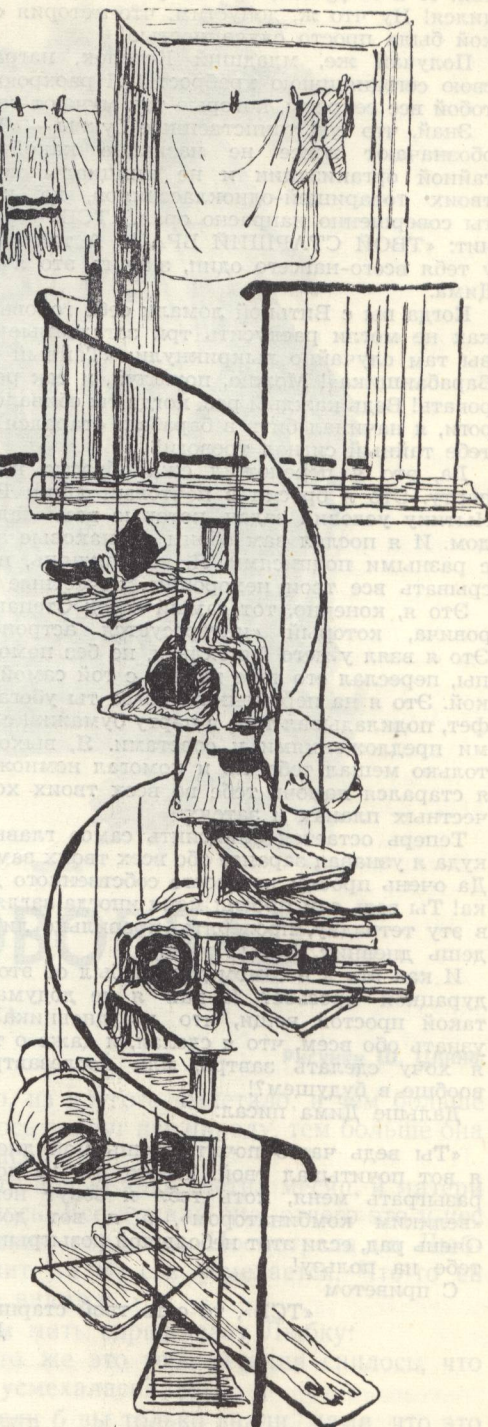
Ужасный страх охватил меня... Сердце колотилось очень сильно. Но никакого выхода не было: надо было идти вперед, или, вернее сказать, наверх. И я быстро пошел: будь что будет!

Под низкими сводами чердака пахло сыростью. В разбитое окно залетали снежинки, дул ветер... И вдруг я вскрикнул: какой-то белый саван был справа от меня. Я закрыл глаза руками и сделал несколько шагов в сторону этого савана, а когда открыл глаза, то чуть было не расхохотался: на веревке, рукавами вниз, болталась чья-то белая ночная рубашка. Видно, не во всех квартирах знали о страшных событиях, которые происходили у нас на чердаке, и некоторые домохозяйки еще продолжали развешивать там свое белье.

«Ну, раз женщины не боятся сюда ходить, — подумал я, — так можно ли бояться мне, мужчине!» И я сразу направился в дальний левый угол, где было особенно темно и сыро. Я протянул руки вперед, чтобы не наткнуться в темноте на какую-нибудь балку или на низкие деревянные перекрытия...

Неожиданно руки мои обхватили что-то холодное и сырое. Бочка! Вот она, бочка с кислой капустой, которая протухнет здесь из-за страшных рассказов Калерии Владимировны! Именно здесь, под этой самой заброшенной бочкой, и должно находиться письмо! Я нагнулся, пошарил рукой и сразу нащупал конверт. Я вынул его из-под бочки и хотел тут же вскрыть, но кругом было темно, и я мог как-нибудь случайно вместе с конвертом порвать и само письмо, в котором заключалось «раскрытие всех тайн».

Я быстро направился к разбитому окну. Возле него было холодно, но я от волнения не замечал ни холода, ни снежинок, которые садились ко мне на лицо и сразу таяли. На конверте уже не печатными буквами и не на пишущей машинке,

Я протянул руки вперед, чтобы не наткнуться в темноте на какую-нибудь балку.

а самым обыкновенным и каким-то очень знакомым мне почерком было написано: «Севе Котлову (лично)».

Я разорвал конверт и с волнением прочитал вот что:

«А ты, оказывается, не такой уж трус, Коте-

лок! А я-то думал, что ты у нас совсем прохудился! Ну что ж, допустим, что история с собакой была просто случайностью!

Получай же, младший Котелок, награду за свою сегодняшнюю храбрость! Я раскрою перед тобой все секреты, которые так мучают тебя.

Знай, что три таинственные буквы — «ТСБ» — обозначают вовсе не название какой-нибудь тайной организации и не инициалы каких-то твоих товарищей-одноклассников, на которых ты совершенно напрасно орал. «ТСБ» — это значит: «ТВОЙ СТАРШИЙ БРАТ». А так как брат у тебя всего-навсего один, значит, это я и есть: Дима.

Когда вы с Витькой ломали себе головы и никак не могли раскусить три загадочные буквы, вы там случайно выкрикнули: «Тайный Сигнал Барабанщика!» Можно, пожалуй, и так расшифровать! Ведь каждый раз, когда ты сбивался с дороги, я начинал бить в барабан: старался подать тебе тайный сигнал тревоги!

Да, это я переложил ежа обратно к тебе в парту. Это я бросил в почтовый ящик Витику-Нытику условия задач, которые вам задали на дом. И я послал вам обоим одинаковые записки с разными подписями. Я, как видишь, пытался срывать все твои нехорошие, нечестные планы.

Это я, конечно, тот самый сосед Степана Петровича, который интересуется астрономией». Это я взял у него бинокль и, не без помощи папы, переслал его тебе вместе с той самой запиской. Это я на переменах, когда ты убежал в буфет, подкладывал тебе в парту бумажки с разными предложениями и советами. Я, выходит, не только мешал тебе, но и помогал немножко. Да, я старался помочь тебе во всех твоих хороших, честных планах и затеях.

Теперь остается объяснить самое главное: откуда я узнавал заранее обо всех твоих замыслах? Да очень просто: из твоего собственного дневника! Ты ведь сам просил меня иногда заглядывать в эту тетрадку, проверять, правильно ли ты ведешь дневник. Забыл уже?

И как это я в самом деле забыл об этой своей дурацкой просьбе? И как я не додумался до такой простой вещи, что из дневника можно узнать обо всем, что я сделал, и даже о том, что я хочу сделать завтра, или послезавтра, или вообще в будущем?!

Дальше Дима писал:

«Ты ведь часто почитываешь мой дневник, а я вот почитывал твой. Только ты не догадался разыгрывать меня, хоть тебя и зовут некоторые «великим комбинатором», а я вот догадался! Очень рад, если этот небольшой розыгрыш пошел тебе на пользу!

С приветом

«ТСБ», то есть твой старший брат
Дима».

Вдруг я вздрогнул: с треугольным чердачным окном, со стороны улицы, поравнялась чья-то голова в шапке-ушанке и тут же скрылась. Что это? Неужели Калерия Владимировна была права? Я выглянул в окно — и у меня защекотало в носу от смеха: к крыше нашего дома была прикреплена самая обыкновенная лебедка, от нее вниз шли металлические канаты, на которых в люльке преспокойно развешал штукатур. Он приводил в порядок облицовку нашего дома. Так вот каких веревочек испугалась ночью Калерия Владимировна!

И тут уж все мои страхи сразу рассеялись... Как это смешно, что я испугался какого-то несчастного рукава от старой телогрейки и рваного сапога! Да ведь некоторые наши жильцы выбрасывают на черный ход всякий ненужный хлам, и домоуправ даже хотел оштрафовать их за это. Как же я забыл? С перепугу, наверно. Эх, младший Котелок! Знал бы об этом Дима. Уж он бы тогда не начал свое письмо словами: «А ты, оказывается, не такой уж трус!..» Но он об этом не узнает: я не буду больше держать свой дневник на столе. Я спрячу его куда-нибудь подальше! Хватит с меня розыгрышей! Довольно!..

* * *

23 декабря

Сегодня я кончаю писать свой дневник. Это ведь, оказывается, очень опасное дело: все могут узнать мои мысли и про все мои поступки тоже. Нет, не хочу!

Писать про себя только одно хорошее, то есть писать неправду, совсем неинтересно. Это мама правильно говорила. А описывать все, как есть на самом деле, очень опасно.

Ведь если этот дневник через много-много лет будут читать мои дети и внуки, они скажут: «Ишь ты, какие номера откалывал в детстве наш папа (или дедушка)!» И тоже начнут вытворять что-нибудь похожее. И это будет, как говорится, непедагогично!

Нет, я не буду больше вести дневник! А эту тетрадку разорву на мелкие клочки или даже сожгу где-нибудь в печке.

Дима, правда, говорит, что есть еще и другой выход: не думать и не делать ничего такого, о чем стыдно было бы писать в дневнике и за что могли бы насмехаться надо мною мои будущие дети и внуки.

— Поборись со своими недостатками! — сказал Дима.

Может, я и поборюсь... Но это ведь не так-то легко! А пока я еще не поборол, не победил своих недостатков, обойдусь без дневника. Так я решил. И пусть «ТСБ», то есть Дима, говорит все, что хочет!..